

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ залъ „Уніонъ“
состоится
КОНЦЕРТЪ
Анонсъ. состоится ТОЛЬКО ОДИНЪ **КОНЦЕРТЪ**
въ залъ новой биржи
въ улиц. домъ № 6 строга

Секретарь для корреспонденции
Марія Ивановна Долиной
известной артистки,
исполнительницы

Газета Всемирного Клуба
ОДЕССИТОВ

№ 2 (112)

Июнь 2020 г.

Врачи на передовой

стр. 4

Фото Александра СИНЕЛЬНИКОВА

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Время неумолимо уско-
рляет ход. Это замечает даже
ленивый. Мелькают дни,
недели, месяцы. Впрочем,
о месяцах. Они перестали
подчиняться временам го-
да и делиться по сезонам:
март – как май, май – как
октябрь. Какое-то вялоте-
кущее межсезонье. «А будет
ли лето?» – вопрошали мы
друг друга. «Зимы не было.
Откуда лету взяться?» – от-
ветствовали.

А весна, любимое время
года?... Ее мы вообще в этом
году видели преимуще-
ственно из домашнего окна,
находясь на самоизоляции –
новое слово, вошедшее в
наш лексикон.

А карантин. Это уже за-
бытое слово которое при-
шлось вспомнить. Каран-
тинная гавань, Карантин-
ная балка, Карантинный
спуск, Карантинная аркада
– все эти топонимы старой
Одессы напоминают о дав-
них событиях в городе, пе-
режившем чуму и холеру.

Что будет напоминать о
нынешней пандемии, кото-
рая, надеюсь, ушла безвоз-
вратно в небытие, – маски,
перчатки, санитайзеры, со-
блюдение дистанции...?

Думаю, вынужденный
нынешний карантин в чем-
то пошел нам на пользу. Мы
стали больше ценить про-
стые человеческие радости:
прогулки на свежем возду-
хе, наблюдение за приро-
дой, живое общение с дру-
зьями. Жизнь коротка, да-
вайте жить здесь и сейчас.
Не откладывая в дальний
ящик то, о чем давно меч-
талось, что хотелось осуще-
ствить, да все было недосуг.
А то все можно пропустить.

А лето, несмотря на
опасения, все-таки при-
шло. Лето, как известно, –
«это маленькая жизнь».
Живем дальше, не прячась
от жизни.

Перед вами – новый но-
мер «Всемирных одесских
новостей», готовившийся в
условиях карантина в Оде-
се. Это тоже форма нашего
дружеского общения, кото-
рому не страшны никакие
вирусы, изоляции, рассто-
яния, границы. Хочется ве-
рить, что вам будет над чем
поразмьшлять, о чем при-
задуматься, что вспомнить,
чему улыбнуться.

Наталья
БРЖЕСТОВСКАЯ

Здравствуйтесь.

Прочитала ваш материал о Татьяне Циклопуло. В нем упоминаются названия населенных пунктов, которые расположены близко к тому месту, где родился мой отец. Поэтому решила к вам обратиться.

Село, которое меня интересует – Кривое Озеро. Я бы хотела узнать побольше об истории семьи, потому что рассказы родителей были очень отрывочными.

Вы не подскажете, где мне искать архивы? Все, что я знаю, – это название населенного пункта, что это было польское поселение, фамилию деда и бабушки.

И знаю еще, что дед сидел в тюрьме, как я поняла, либо на национальной почве (он был поляк? а может быть – еврей?) Но это все неточно, поэтому ищу архивы.

Спасибо.

Большое спасибо за теплый, обстоятельный своевременный ответ. Уважаю. Обязательно ознакомлюсь с файлом. Всего Вам самого доброго и будьте здоровы.

Илья Гонтарь, Лос-Анджелес (США)

9 мая я собрал членов нашего Клуба из Сиднея, Мельбурна и Голд Коста. В виртуальном пространстве мы провели полтора часа. Зажгли свечи в память о погибших. Было трогательно.

Я провожу уже третью встречу в Интернете, набирая все больше и больше желающих. В следующий раз подключу членов Клуба из других стран.

**Ваш Гарри Волк,
председатель филиала Всемирного
клуба одесситов Сидней (Австралия).**

Здравствуйтесь.

Мы с учениками 6-го класса школы № 107 (ул. Льва Толстого 30) будем проводить исследовательскую работу – «Писатели, прославившие Одессу». Вы могли бы нам помочь с проектным планом исследования данной темы? Например:

– составить необычные вопросы к викторине по каждому писателю (указаны ниже), предварительно изучив необходимый методический материал;

– создать геолокацию памятных мест известных писателей (место рождения-проживания в Одессе, памятники, мемориальные доски, места событий) и их посещение;

– изучение архивных документов с детьми в читальном зале Одесского областного архива и т.п.

Планируем посещение совместно с детьми Всемирного клуба одесситов, после или перед проведением мероприятий на тему «Писатели, прославившие Одессу».

**С уважением,
Петрова Аурика Петровна,
преподаватель русского языка
и литературы,
школа №107 г. Одесса.**

Здравствуйтесь, Леонид.

Спасибо, что предоставили предварительную информацию. К сожалению, сейчас мы ограничены карантином. Дали задание детям, чтобы дома искали и изучали тематические материалы по одесским литераторам. До встречи.

**С уважением,
Петрова Аурика Петровна.**

Дорогие наши друзья!

Вас приветствует Кишиневский филиал Всемирного клуба одесситов. Всегда рядом с вами с теплом и любовью. И не только в этот день. Всегда! Отправляем вам наши воспоминания-размышления.

**Алла Ступина,
Клуб кишиневских одесситов.**

Уважаемое руководство Всемирного клуба одесситов!

Я Полнарева Надежда в настоящее время, с 2000 года проживаю в городе Дели (Индия). В том же году вышла замуж за гражданина Индии, который, окончив в Одессе Медицинский институт. В Дели у меня родилась дочка, Ниша, которой сейчас 19 лет. В Дели проживают и многие мои друзья, и друзья моего мужа, которые также учились в Одессе, и их, в основном, русские жены.

Мы часто собираемся вместе и вспоминаем годы, проведенные в Одессе. Город Одесса нам очень дорог, так как с ним связаны одни из самых наилучших воспоминаний. Благодаря тому, что мой отец много лет тому работал в одной организации с нынешним зам. директора Всемирного клуба одесситов (ВКО) – Леонидом Рукманом, я узнала подробности о том, что в моем любимом городе уже давно существует клуб, президент которого – М.М. Жванецкий, и который помогает в разных странах объединению одесситов.

Мы обращаемся к руководству Клуба и его президентскому совету с просьбой считать наше объединение филиалом ВКО.

Наше объединение («Клуб одесситов Индии») датой своего образования считает 20 ноября 2018 года, когда на общем собрании мы избрали председателя. Сейчас нас 100 человек, но мы надеемся, что состав нашего клуба будет увеличиваться. Прилагаю список членов клуба и ряд фотографий, сделанных на встречах с членами клуба.

Надежда Полнарева (Кесари) – руководитель объединения одесситов Дели (Индия).

Прошу вас принять меня в виртуальные члены Всемирного Клуба Одесситов.

С уважением к вашему труду проживающий в Запорожье арт-директор культурного центра «Парнас», художник и писатель Алексей Владимирович Данилов.

Одесса – в сердце навсегда.

Постараюсь со временем принести нашему клубу и свою небольшую пользу. Имею желание издать книгу юмора «Удивленная Одесса». Если получится её издать в ближайшее время, было бы неплохо презентовать её в нашем клубе. Неплохо было бы и небольшую художественную выставку провести. Просто надо все взвесить и грамотно продумать.

**С уважением к вашему труду,
Алексей Данилов**

Большое спасибо за теплый, обстоятельный своевременный ответ. Уважаю. Обязательно ознакомлюсь с файлом.

**Всего Вам самого доброго и будьте здоровы.
Илья Гонтарь США Лос-Анджелес.**

Добрый день!

Спасибо за интересный информационный портал об одесситах. Вижу, что вы его постоянно пополняете. Могу предложить свои наработки и поделиться биографическими материалами.

Я профессиональный историк, краевед, библиотечный работник. Осваиваю новую для себя экскурсоводскую деятельность. Поэтому сейчас много и целенаправленно собираю информацию о родном городе и его жителях.

**С уважением,
Татьяна Шериун.**

Здравствуйтесь Леонид!

Пишу к Вам в связи со статьей о Жозефине Полонской.

Прошу Вас связать меня с Вероникой Драгун и Е. Голенищевой-Соколянкой.

Если связи нет, то можете ли вы подсказать, где достать (желательно в электронном виде) альманах «Южный город», выпуск № 7, 2005 г.

Всех благ!

**С уважением,
хранитель фонда
отд. исследования творчества
А.С. Голубкиной Алексей Анциферов.**

Ленечка, привет!

Такой интересный вопрос. Сегодня мой сосед-киевлянин, окончивший институт связи лет 50 назад, сказал, что где-то вблизи Института в районе Комсомольской, то ли на площади, то ли во двореке, есть маленький бюст Пушкина.

Что ты можешь сказать?

Уважаемые земляки!

Примите мой скромный дар – опубликованную издательством в Москве книгу, посвященную родному городу. Это третья книга, написанная мною за годы эмиграции в США. Две предыдущие, одну из которых – «Великое вопрошание. Философия на весах истории» – я преподнес вам во время посещения Одессы в 2013 году, связаны с моей профессией.

**С наилучшими пожеланиями,
член Всемирного клуба одесситов,
доктор философских наук,
профессор Михаил Полищук.**

КЛУБНЫЕ НОВОСТИ

«Поцелованные Одессой»

Мы хотим рассказать о книге «Поцелованные Одессой», изданной другом Всемирного клуба одесситов, проживающим сейчас в США профессором, доктором философских наук, автором книги «Великое вопрошание. Философия на весах истории» – Михаилом Полищуком.

Автор подробно описывает те особенности формирования облика Одессы, которые за очень короткое время превратили её в процветающий экономический и культурный центр; это отцы-основатели, магия избранного места, дух предпринимательства, отсутствие господства титульной нации в городе и театр.

Коренной одессит, человек, воистину «поцелованный» этим уникальным уголком Черноморья, приглашает в него и читателя, приглашает по-одесски весело и с чуть ощутимой грустью.

Книга нам досталась как подарок от автора в единственном экземпляре, но все желающие смогут почитать её, посетив наш клуб после окончания карантина.

Михаил Полищук

Поцелованные
Одессой

ДОСТОЯНИЕ

С Одессой в сердце

Наш телефонный разговор с Михаилом Жванецким и его супругой Наташей состоялся в последних числах мая. Очень хотелось узнать о планах на лето президента Всемирного клуба одесситов. С радостью сообщаем: классик в порядке и добром здравии, занимается делами, отдыхает на природе. И ждет не дожидается, когда сможет приехать в родную Одессу.

Трубку взяла Наташа, жена Михаила Михайловича.

— Конечно, мы хотим поскорей приехать к вам. Миша все время, заглядывая мне в глаза, спрашивает: «И что, мы можем не поехать в Одессу в этом году?»

Каждый раз спрашивает, что там в Одессе цветет на даче. В ответ наш друг Ира Краснова присылает нам фотографии. Знаем, что в этом году — много черешни. К черешне мы никогда в Одессу не поспеваем. Ждем, когда откроют границы и разрешат выехать. Возраст все же — 86

лет. А с возрастом немножко все ограничено.

— Как? Жванецкий — возрастной?!

— Это не я так считаю, это наша медицина относит Жванецкого к возрастному поколению. По мнению медиков, в 80 лет и старше есть большой риск заразиться. Мы не хотим, чтобы он заболел, и поэтому стараемся ограничить его в передвижении и общении.

Самое страшное — это пересадки, огромное количество людей в аэропорту, очереди. Жванецкого повсюду узнают: в самолете, в аэропорту, подходят с вопросами, хотят поговорить. Мы не можем на него полностью надеть маску, чтобы никто не узнавал. А из-за коронавируса все это очень напрягает. Если никакой второй вспышки не будет и разрешат вылеты, мы сразу отправимся в Одессу.

— Как вы сейчас проводите свое время? Чем занимаетесь?

— Мы соблюдаем режим самоизоляции, живем в загородном доме. Я могла бы выезжать, но, чтобы не расстраивать Михал Михальчу (я — на свободе, а он сидит в доме), тоже никуда не выезжаю. Нам помогают, привозят продукты.

Вокруг нашего дома — большая зеленая территория. Мы гуляем. Украшаем наш сад. Что-то высаживаем. Вот например, сегодня я сажаю кусты, а Миша сидит в беседке с коньячком. Такой у нас субботник, под возгласы и крики. Крики, в ожида-

нии переезда в Одессу, у нас сейчас в большинстве своем «продуктовые»: «Камбала! Брынза! Черешня! Тюлька!» Но мы стараемся поддерживать Михаила Михайловича всякими приятными сюрпризами. В морозильнике есть ставридка, которую мы разделили на порции. И когда ему грустно, тут же организуем праздник: достаем и жарим ставридку, наливаем по бокалу вина. И вспоминаем Одессу.

На даче Михаил Михайлович любит поработать. Сейчас разбирает свои тексты. Пытается собрать новую книгу. Поскольку концертов сейчас нет, он читывает что-то на диктофон, который

мы настроили на его айфоне. Так что Жванецкий остается в творческой форме.

Мы слышали, что в этом году акация в Одессе рано расцвела.

Вы не поверите: по просьбе Миши я посадила акацию, хотя понимала, что московский климат совершенно не для акации. Она мерзнет, но каждый год цветет. Эта весна очень холодная, конец мая, а у нас +8 градусов. И на нашей акации пока только появляются маленькие листочки.

Михаил Михайлович, ждем вас в Одессе!...

Беседовали Григорий БАРАЦ, Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

Формула счастья

Это чушь! Всё внутри нас. Переезд не поможет. Не перевози несчастья. Не помещай своё безделье, бездарность, бескультурие в другое место, не порть его. Умей наслаждаться всем, что по пути. Не можешь двигаться вперед — наслаждайся поворотом, получи удовольствие от движения назад. И топтание на месте тренирует организм.

Ищи новое в знакомом. Копайся в изученном. Наслаждайся подробностями. Везут в тюрьму — получай удовольствие от поездки. Привезли — изучай опыт соседа.

Примем и запишем:
Склочник — норма. Деликатный — исключение.
Отсутствие чего-то — норма. Присутствие — исключение.
Отсутствие денег — норма. Присутствие — исключение.
Теснота — норма. Свобода — исключение.
Обязательность и точность — исключение. Хамство, вранье — нормальный разговор.

Тоска, подавленность, недовольство нормальны, как фигура и национальность.

Богатство — не наша черта характера.

Здоровье — исключение. Болезнь — норма.

Попадание в больницу — правило. Выход из неё — исключение.

Тайн в жизни не бывает. Каждый шаг известен всем и все интимные слова произносятся на публику.

Эти знания делают человека счастливым и дарят каждый день как исключение.

М.М. ЖВАНЕЦКИЙ

«Одесская антология»

Одессе повезло в литературе. Городу совсем немного — 225 лет. Это не Рим, не Париж...

Но написано об Одессе так много, что можно сравнивать со столицами.

С первых лет существования она вошла в украинский (чумацкие песни), русский, еврейский фольклор... О ней с интересом рассказывали в записках путешественники,

А с тех пор, как Пушкин увековечил Одессу в своем «Онегине», началась её литературная биография.

У меня настольной книгой лежит сборник, составленный моими друзьями поэтом Верой Калмыковой и литературоведом Вадимом Перельмутером «Юго-западный ветер в русской литературе». Огромная книга в 650 страниц, тщательно запечатлевшая прозу и поэзию, посвященную Одессе в конце XIX-первой половине XX века.

Но каждый год, даже каждый месяц случаются новые находки. Сотрудник Одесского литературного музея Алена Леонидовна Яворская принесла в подарок двухтомную «Одесскую антологию», а это 1500 страниц текста, вышедшую в харьковском издательстве «Фолио», составленную Анной Мисюк и Аленой Яворской.

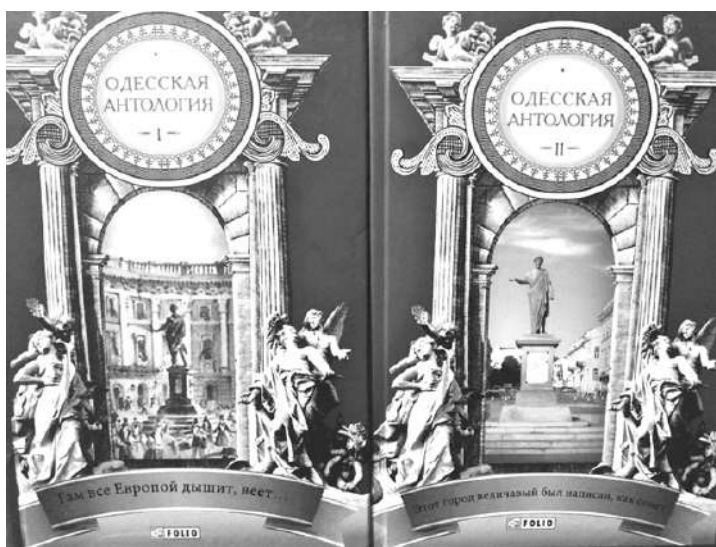
Первый том «Там все

Европой дышит, веет.» — классика. От Василия Туманского, Александра Пушкина, Тараса Шевченко (это была неожиданность для меня, знал, что из Одессы помогала Шевченко княжна Вера Репнина, но что он писал, упоминал Одессу «Из Одеси преславной», понятия не имел) до Якова Полонского, Гарина-Михайловского, Юшкевича, Шолом —Алейхема, Нечуй-Левицкого, Леонида Андреева... Составители ограничиваются фрагментами, если речь идет о повестях и романах, рассказы и стихи публикуют полностью.

Для меня новыми оказались Николай Чижов «Одесский сад», Б.Баркер «Одесса и ее обитатели (из записок английского пленного)», Теобальд «Воспоминания из одесской жизни 1865 года», Валериан Антонов «Одесские катакомбы (Записки полицейского агента)».

Но, конечно, пиршество представляет второй том «Этот город величавый был написан, как сонет».

Классика «Юго-Запада». Естественно, от Бабеля и Багрицкого, через Ильфа-Петрова к Олеше и Катаеву. Но и тут составители помнили писателей, как бы второго ряда, к примеру Семена Гехта, Рувима Морана, Александра Козачинского, Дон-Аминадо...

А есть тексты, которые и не найдешь нигде: Маноля «Одесский язык», Александр Биск «Одесский язык», Незнакомец «Одесские «театраль», Яков Бельский «Американское наследство», Тая Лишина «Так начинают жить стихом»...

Обрадовался, что есть фрагмент из повести Георгия Шенгеля «Черный погон», что полностью есть повесть Катаева «Бездельник Эдуард», что много Бунина, «Акация» и фрагменты из «Пятеро» Жаботинского.

И все же два раздела оставляют у меня чувство неудовлетворенности. Это Одесса в Великой Отечественной войне и современность. Так и хочется предложить «Фолио» выпустить

третий том, где представить оборону Одессы (как забыть стихи К.Симонова), оккупацию Одессы (интересных дневников множество, от Андрея Недзведского, до Василия Галаяса), освобождение Одессы (Леонид Соболев, Виктор Некрасов). А еще Генрих Бёльль, Александр Верт, Илья Эренбург...

Ярко и многообразно можно представить современную Одессу, не забыв и Аркадия Львова, и Сергея Рядченко, и Ирину Ратушинскую...

Но для этого нужен еще один том. А вышедшие два тома «Одесской антологии» — замечательный подарок тем, кто любит наш город.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

КЛУБНЫЕ НОВОСТИ

«Распрячись, Человече!»

Это название новой книги, которую издал известный одессит, заслуженный юрист Украины, член президентского совета Всемирного клуба одесситов, заместитель председателя президиума Одесской областной коллегии адвокатов Иосиф Бронз.

Эта книга — о несломленном достоинстве его коллеги — воина и великого адвоката Семена Львовича Арии.

Семен Ария был личностью колоссального масштаба, один из немногих, кто превращал ремесло в искусство. Его речи были ораторским шедевром, решающим исход дела. Для своих коллег он служил профессиональным и нравственным образцом и оставил большой след в истории адвокатуры...

Светлана Лаврюкова – главврач Одесской городской инфекционной клинической больницы. Именно здесь спасают людей от новой, ранее неведомой коронавирусной инфекции COVID-19. Пациентов содержат в 10-м боксированном отделении больницы. Ежедневно несколько десятков человек с подозрением на вирус проходят там обследование. Когда все это грянуло, из больницы уволились 10 медсестер и санитарок, ушла на пенсию врач. Во время интервью Светлана Яковлева, имеющая 47-летний профессиональный стаж работы, не снимает маски и держит дистанцию.

Врачи на передовой

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

поволноваться, – это вспышка кори в 2018-2019 годах.

Рост заболеваемости был очень высоким с тяжелыми формами. Иммуитет у людей разный: одни переносят инфекцию сравнительно легко, другие – тяжело, а у третьих она вызывает менингоэнцефалит, который может завершиться летальным исходом. А обязательные прививки дают свои результаты.

– Есть мнение, что, люди, получившие в детстве прививки БЦЖ, защищены от Covid-19.

С.Л.: – Я скептически отношусь к этой версии. Болеют 65-70-летние люди, а они все получали прививки БЦЖ. Что можно сказать определенно: раньше преобладали бактериальные инфекции, сейчас – вирусные инфекции. Видимо, это связано с процессом эволюции. Взять кишечные инфекции: раньше – дизентерия, сальмонеллез, теперь – ротавирусная инфекция.

Да, доверие к прививкам было подорвано. Стронники и противники прививок не помирятся никогда. Но, думаю, антивакцинальные кампании таят в себе большую опасность.

– Какой профессиональный совет вы можете дать одесситам?

С.Л.: – Инфекционные заболевания, к сожалению, всегда были, есть и будут. Эпидемиологи даже предсказывают, через какие периоды времени нам следует ожидать рост тех или иных инфекций. Но есть инфекции управляемые, от которых есть прививки, а есть, как сейчас, инфекции, от которых прививок нет.

Берегите себя. Не рискуйте. Избегайте массовых скоплений людей. Особенно пожилые люди, беременные женщины, дети, люди, страдающие хроническими заболеваниями. Если вы чувствуете себя нездоровым, если у вас появились: температура, кашель, какие-то неясные симптомы, которых раньше не наблюдалось, скажем, потеря обоняния, вкуса, нужно остаться дома и немедленно обратиться к врачу. Даже если у человека легко протекает болезнь, он может заразить вокруг себя других людей.

Когда-то были плакаты «Дизентерия – это болезнь грязных рук». Мытье рук, дистанцирование – вынужденные, но эффективные меры. Лучше перестраховаться. Как там у Чехова: «Лишь бы чего не вышло».

Беседовала
Наталья
БРЖЕСТОВСКАЯ.

– За несколько последних месяцев люди разделились на адептов Covid-19 и его опровергателей и соответственно относятся к этой напасти. Что вы думаете об этом противостоянии?

С.Л.: – Во время вспышки свиного гриппа многие люди тоже полагали, что это проект фармацевтических компаний, желающих продвинуть свои лекарственные препараты. Но так утверждать могут только те, кто не видел молодых и недавно еще вполне здоровых людей, которые за несколько суток сгорали от пневмонии. Тогда заболевших от свиного гриппа спасали все реанимации города. И сегодня люди с подтвержденным диагнозом болеют.

В нашей больнице преобладают пациенты с заболеванием средней тяжести, но есть и тяжелые больные. Больше подвержены инфекции люди пожилого возраста, или имеющие хронические заболевания: сахарный диабет, эндокринные и сердечно-сосудистые болезни. Они в группе риска. Как и медработники, даже при наличии всех спецсредств, вследствие длительного тесного контакта. Но боле-

ют и молодые люди. Ситуация нестабильна.

– Слово предчувствия надвигающейся угрозы, осенью прошлого года ваш единственный в городе инфекционный стационар получил новое приемное отделение.

С.Л.: – Да, теперь мы принимаем больных изолированно в трех отдельных боксах. В 2015 году мы получили новое 10-е отделение. Без него мы бы не справились с потоком больных. Завершается реконструкция еще двух боксированных отделений, в которых в прошлом были пищеблок и прачечная. Идет реконструкция корпуса для молочной кухни и центральной стерилизационной. К нам – внимательное отношение властей, спонсоров, просто одесситов. Есть средства защиты, расходные материалы, медикаменты, дыхательные аппараты, мониторы.

– Что вызывает наибольшие опасения?

С.Л.: – С таким инфекционным заболеванием мир еще не сталкивался. Определять, что послужило источником, должны ученые. Как будет дальше

развиваться процесс, сложно сказать. На взгляд инфекционистов здесь много вопросов. Есть протоколы, методики лечения, но нет пока препарата, который уверенно бы справлялся с Covid-19. Поэтому мы их подбираем индивидуально каждому пациенту. Нет и вакцины, а после ее создания предстоит клинические испытания. Это достаточно длительный процесс. Думаю, это наша новая реальность. И нам предстоит в ней жить.

– Но коронавирусная инфекция сама по себе не нова?

С.Л.: – Коронавирусная инфекция, вызывающая респираторные заболевания, известна с 50-х годов прошлого века. Но произошла ее мутация, появился новый штамм. Не совсем понятно, почему вдруг в разных частях света стали происходить вспышки. Почему в одних странах был высокий рост заболеваний, а в других – легкий всплеск. Мы, практические врачи, можем только констатировать, что течение эпидемии коронавируса отличается от течения других инфекций. Очень может быть, в следующем году он потеряет свою вирулентность, перейдя в обычную сезонную респиратор-

ную инфекцию, как это случилось с калифорнийским (свиным) гриппом.

– Но бывали же и более грозные заболевания?

С.Л.: – В средние века человечество пережило опустошительные эпидемии чумы, оспы. Не сразу и не со всем, но справились. Единственное заболевание, которое мир победил, это натуральная оспа. Великий Эдвард Дженнер придумал и ввел оспопрививание. Но до сих пор происходят небольшие вспышки чумы, есть ее природные очаги. Инфекционные заболевания развиваются волнообразно. Взять хотя бы Одессу.

В 1970-м году была эпидемия холеры, и тоже проводились строгие ограничительные мероприятия: ввели карантин, обсервацию.

В 1979-80-м годах – вспышка вирусного гепатита А.

В 1986 году – заболевание с неясной клиникой, которое сначала не могли расшифровать. Оказалось, это было витаминное отравление, когда под видом подсолнечного масла люди употребляли концентрат витамина Д. Прошло более месяца, прежде чем врачи определили причину.

В 1991-1994 годах во многих странах, в том числе, и у нас, произошла вспышка дифтерии, заболевания, которое характерно тяжелыми осложнениями. Причина – низкий уровень привитости. Кстати, мое поколение было привито от дифтерии практически полностью.

В 2006 году нас посетила корь.

В 2009-2010 годах – вспышка калифорнийского (свиного) гриппа с большим количеством заболевших тяжелой пневмонией и высокой летальностью.

Последнее, что нас, инфекционистов, заставило

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Мрачный год» Одессы

На своем недолгом по сравнению с другими европейскими городами веку Одесса успела пережить многое. Одним из самых чудовищных испытаний в самом начале ее пути была чумная эпидемия 1812-1813 годов. Читатели едва ли сознают, каково пришлось первой по существу генерации одесситов, с трудом обособившихся на весьма негостеприимных берегах. Многострадальные пионеры уже стали различать некие смутно заманчивые горизонты, как в Одессу нагрянула чума.

Появление «чумной заразы», мягко говоря, прошляпили, чтобы впоследствии сполна расплатиться не столько за халатность, сколько за опасение потерять коммерческие выгоды. Граф Ропешуар, адъютант и родственник герцога де Ришелье, признает в своих мемуарах, что решение объявить карантин было несколько запоздалым, ибо суровые карантинные меры совершенно пресекали торговлю.

*«Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама...»*

В августе 1812 года много шуму наделала гибель трех актрис из труппы итальянских антрепренеров Монтовани и Замбони – содержателей Городского театра. 29-го августа градоначальник ввел чрезвычайное положение. Одессу разделили на 13 санитарных частей во главе с комиссарами. В их числе были: купцы Амвросио, Андросов, Голиков, Инглези и др. В их задачу входило составление локальной описи домов, ежедневный двукратный их обход с целью выявления заболевших горожан, которых немедленно отправляли в госпиталь. При этом дом опечатывался и брался под охрану во избежание мародерства и выноса зараженных вещей. Далее принималось решение: сжечь оные вещи или подвергнуть очистке. Одесситам вменялось в обязанность дважды в день окуривать помещения, запрещалось принимать гостей. Категорически возбрали продажу second hand. На первых порах следовало наблюдать, чтобы не было скопления людей в питейных домах и других общественных местах. Закрывали дома терпимости, а всех проституток собрали в одном карантинном помещении, под страхом строгого наказания запретив принимать посетителей. Позже, по объявлению общего карантина, горожанам вообще запретили появляться в общественных местах, даже храмы закрылись.

Были созданы временные карантинные, один из которых, напри-

мер, находился в начале будущей Канатной улицы со стороны Карантинной, в доме руководителя Строительного комитета, военного инженера Ферстера.

Для снабжения изолированных одесситов была создана специальная продовольственная комиссия под началом купца Крамарева. Сохранились архивные записи, о том, сколько доставленных морем из Херсона головок капусты, корней петрушки, сельдерея, брюквы, моркови, свеклы, лука получил тот или иной комиссар или его помощники.

В карантин поставлялась провизия, вода, топливо, свечи, дезинфицирующие средства (в первую очередь, уксус), посуда, одежда. Во исполнение обрядов, для иудеев создали отдельный карантин, куда привозили и морскую воду. Любопытно, что оказавшийся в плену и содержавшийся в карантине на Пересыпи в январе 1813 года французский военный врач снабжался морем лучше горожан. Меню включало птицу, говядину, баранину.

Выдающуюся роль в ликвидации «чумной заразы», помимо герцога де Ришелье и комиссаров, сыграли военный комендант города Кобле, полицмейстер Мавромихали, карантинный инспектор Россет, члены Строительного комитета коммерции советник Рено, военный инженер Круг и др. Но главными героями этих катастрофических событий были городские медики.

Врач Иван Францевич (Джованни Франческо) Капелло был первым руководителем Городского госпиталя. Госпиталь строился в 1805-1806 годах соотечественниками Капелло – Витторио Поджио и Франческо Фраполли. Можно представить себе, что творилось здесь в разгар эпидемии, если учесть вместимость корпуса, скажем, в 1809 году: от 50 до 58 пациентов. По данным современника событий барона Габриеля де Кастельно, численность погибших от чумы составила 2.656 человек (обычно упоминается численность погибших – 2.640). Другими словами, эпидемия произвела своего рода децимацию, казнь каждого десятого одессита (скорее всё же девятого). Половина из них скончалась как раз в Городской больнице, и ее главный медик находился, что называлось, на переднем крае.

*«Поминутно мертвых носят,
И стениа живых
Боязливо Бога просят
Успокоить души их.
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой».*

Трудно представить, каково приходилось медперсоналу в логове чумы, наводившей ужас на целые страны. Знаете, кто, кроме медиков и полицейских, имел непосредственный доступ к зачумленным? Преступники и добровольцы, вызвавшиеся ухаживать за ними, на определенных условиях. Первые в случае благоприятного исхода оправдывались и освобождались, вторые требовали значительного вознаграждения. Были еще добровольно нанимавшиеся за солидное жалование моргусы, а равно арестанты – похоронная команда. Подвергавшимся опасности моргусам, полицейским, военнослужащим, чиновникам бесплатно отпускали «горячее вино».

Мне удалось найти информацию о том, что некий «грек Иван» согласился обслуживать зараженных за 1.000 рублей. Поразительно: подвергая свою жизнь непрерывной опасности, он не заразился, пережив множество своих подопечных. Восхищенный герцог Ришелье распорядился выплатить ему не только обещанную тысячу, но еще 500 рублей за сожженное его имущество. Что касается арестантов-сиделок, семеро из них тоже ухитрилось выбраться живыми из госпиталя, их отпустили и выдали на дорожку по 10 рубликов.

О моргусах в краеведческих изданиях упоминалось многократно. Сообщения обычно снабжаются пугающей картинкой, как эти добровольцы в просмоленной спецодежде выволакивают длинными крюками из домов умерших от чумы. Согласно архивным материалам, для перевозки мертвых тел использовались пожарные дроги: «... эта черная телега имеет право всюду развезжать» (А.Пушкин).

По архивным материалам, в начале эпидемии умерших от заразы

горожан хоронили на Городском кладбище, и лишь позднее – на обособленных погостах – в братских могилах на специально отведенных за кладбищем территориях. В пригородах практически стихийно возникли отдельные чумные кладбища – в Усатово, Нерубайском, Татарке, Дальнике, на Фоминых хуторах, Малом Фонтане, Сухом лимане, в урочище Куяльник, Молдавской Слободке. Как свидетельствовал полицейский чиновник, «сии люди предаваемы были (земле – О. Г.) иные в одеянии, а другие нагие, и в одно место по десяти, более или менее человек, и поверхность их была засыпаема негашеною известью».

Как принято говорить, кому война, а кому мать родна. Началось мародерство – корыстолюбцы сообразились вещами, оставшимися от умерших зачумленных. Зараза перебежала от дома к дому и тогда, и в чумные эпидемии 1829 и 1837 годов. Объявив о щедром вознаграждении за сведения о сокрытии зараженных вещей, Ришелье удалось пресечь мародерство.

Врачи «Города Чумы», ежечасно рискуя жизнью, выполняли свой долг. Большинство из медиков пали жертвой эпидемии, и в их числе доктора Капелло, Ризенко, Кирхнер. В архивных документах четко обозначено (орфография оригинала): «Капелло старался помочь заразившимся штаб-лекарям Кирхнеру и Ризенку, и, как полагают здесь, и сам от последнего заразился и потом дня через три помер». Другими словами, он собственноручно вскрывал чумные «бубоны» коллегам, подававшим некоторую надежду на выздоровление.

Этим героям – подлинным, не липовым, совершенно забытым, не позаботились установить мемориальную доску на старинном здании Городской больницы, где они погибли, спасая жизни одесситов.

Похоронили ли доктора Капелло в братской могиле, как других, или, уважительно, отдельно, теперь никто не скажет. Много лет спустя на вершине искусственной насыпи над христианским чумным кладбищем по указанию М. С. Воронцова установили мемориальную плиту в память о жертвах чумных эпидемий. Давно уже нет того памятного знака, однако о безымянных одесситах, по крайней мере, напоминает сам холм, до сих пор именуемый в народе Чумкой. Вряд ли кто знает о том, что обособленное еврейское чумное кладбище и вовсе лежит под ногами прохожих.

Арнаутовская, 111. Дети стоят около входа в квартиру погибшей от чумы Фотакис. Поверхность двора залита известью.

Къ борьбъ съ чумной заразой въ Одессѣ. Новая подвижная дезинфекционная камера. По фот. I. M. Шнейдера арт. «Нивы».

Олег ГУБАРЬ

Он был дважды казнен, сначала – повешен нацистами, потом – расстрелян сталинистами. Его имя опорочили громко, а оправдали тихо, почти тайно, обрекая Героя на бесславное забвение. Но он возрождается из пепла.

Борис Пивенштейн: Возвращение из небытия

Вам известно, что в числе легендарных пилотов, принимавших участие в спасении экипажа парохода «Челюскин», зажатого льдинами в Беринговом море, был наш земляк – одессит?

В 1934 году страна жила челюскинской эпопеей. 104 покорителя Арктики оказались на дрейфующей льдине в условиях полярной ночи. За операцией их спасения из ледового плена следил буквально весь мир. Были брошены лучшие силы полярной авиации. Вот имена прославленных летчиков, первых Героев Советского Союза – А.Ляпидевский, С.Леваневский, Н.Каманин, В.Молоков, М.Водопьянов, М.Слепнев, И.Доронин.

Но в операции участвовал еще один пилот – Борис Пивенштейн. Молодой летчик был направлен на спасение «Челюскина» во главе сводного звена группы Н.П. Каманина. Во время спасательной экспедиции у самолета Каманина сломалось шасси. И тот на последнем этапе полета взял машину Б.Пивенштейна. После спасательной операции во льдах Каманин обрел Звезду Героя, славу, почести и был переведен на работу в Московский военный округ.

Герой-одессит тоже был награжден – Орденом Красной Звезды. С началом войны, уже в звании подполковника, Пивенштейн командовал авиаполком. Для сына одесского грузчика с Арбузной гавани это было немало.

В метрической книге Одесского городского раввината сохранилась запись о рождении мальчика. Борис Пивенштейн родился в Одессе 6(19) февраля 1909 года. С детства Борис питал в себя колорит южного портового города.

«Что можно сказать о моем детстве? Одесса. Еврейская беднота. Больная мать. Беспорядочность. Папироски, ириски, сахарин. Привокзальные товарищи, рано приучившие к картам, безрадостные годы. И только когда крепко установилась советская власть, я всеми силами молодости рванулся к другой живой жизни. Я поступил в Школу еврейской молодежи, вступил в комсомол».

Так вспоминает Борис Пивенштейн о своем одесском детстве в своей книге «Путь в Узлен». С юности он вел дневник, писал стихи и документальную прозу. В 30-е годы вышло в свет несколько его книг.

В Одессе прошли первые 18 лет жизни Бориса Пивенштейна. Два года учебы в Трудовой школе (1923-1924 гг.). В те времена голода, холода, разрухи Трудовая школа была спасением для учеников из семей, потерявших кормильца. Их бесплатно обучали ремеслу, кормили, обували,

давали образование. Борис вскоре стал курсантом Ленинградской военно-теоретической школы ВВС. Для одесского паренька это была блестящая карьера.

«Легко понять, мне думается, какая радость вспыхнула во мне, какая волна теплого чувства подхватила меня, когда после всех шумных встреч и банкетов телеграф принес мне забываемое приветствие: «Летчику Пивенштейну, участнику экспедиции челюскинцев. Одесская школа-завод еврейской рабочей молодежи «Европол» приглашает тебя, одного из своих лучших воспитанников на свой 15-летний юбилей. С чувством гордости мы читаем и следим за твоими подвигами, как радовались награждению тебя орденом Красной Звезды. Поздравляем и ждем ко 2 июля».

В начале войны, в сентябре 41-го Борис Пивенштейн командовал эскадрильей. Был отчаян и смел. Лишь по случайности штурмовик не получил свой пятый орден Красной Звезды. Сведения из архива города Подольска скудные: участвовал в Сталинградской битве, совершил много успешных боевых вылетов. В 1943 году во время боев на Донбассе самолет Бориса Пивенштейна был сбит, а сам летчик попал в плен...

А дальше... дальше – выдумки и клевета.

Страшные обвинения – «работал на немцев, перебежал к американцам» – были выдвинуты в начале 50-х годов. Чекисты объявили, что Пивенштейн еще с 1934 года(!) сотрудничал с немецкой разведкой. В 1943 году во время боевого задания добровольно перелетел на сторону противника. Там «работал в отделе контрразведки «Восток», где занимался опросом советских летчиков, попавших в плен к немцам, обрабатывал их в антисоветском духе и склонял к измене Родине». Семью летчика выслали из Москвы, а дети жили в уверенности, что отец – предатель.

Как случилось, что Борис Пивенштейн, командир боевой эскадрильи был цинично оболган советским режимом?... Откуда взялась версия, что советский летчик служил врагу и переехал в США?

Как выяснилось позже, на Лубянке произошла роковая «ошибка»: чекисты перепутали Бориса Абрамовича Пивенштейна с его однофамильцем – Андреем Ивановичем Пивенштейном.

Профессиональный военный Андрей Пивенштейн (1887–1963) эмигрировал из России после окончания Гражданской войны, жил в Польше и Германии, был православным, публиковал монархические статьи в эмигрантской периодике, оказался в списке перемещенных лиц.

Решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 4 апреля 1952 года Борис Пивенштейн был заочно приговорен к смертной казни с конфискацией имущества и лишением воинского звания и наград – как перебежчик и шпион. Страшный приговор. Доказательства, что наш земляк, кумир миллионов, был оболган, раскрылись позже.

Попав в плен, Борис Пивенштейн был отправлен в восточный гестапо Кенигсберга. Оттуда 15 мая 1944 года доставлен в концлагерь Штуттгоф, который находился в 70 км от Данцига (ныне Гданьск), где погибли тысячи военнопленных. Там 16 мая летчик был повешен.

Теперь этому есть письменные доказательства. Накануне гибели в концлагере Штуттгоф с Пивенштейном встретился другой узник лагеря – Юрий Цуркан, тоже одессит и военный летчик. Они были дружны в довоенные годы.

Из воспоминаний Юрия Цуркана:

«Многое напомнила мне фамилия участника спасения челюскинцев. И я решил непременно попасть в блок к летчику Пивенштейну, чтобы хоть несколько минут поговорить с ним. Трудно

было узнать в изнуренном, избитом человеке знаменитого в прошлом полковника. Поговорить удалось около пяти минут. За общение с изолированным смертником я в лучшем случае мог заплатить полусотней палок.

– Поклянитесь, лейтенант, что вы исполните мою предсмертную просьбу, – попросил меня Борис.

– Даю честное слово. Клянусь званием советского летчика, произнес я дрожащим голосом.

– Запомните адрес: Одесса, Чичерина, 53. Там до войны жили мои родные. Расскажите им о моей смерти. Скажите, что я ничем себя не запятнал. Все мои мысли с ними. Напишите Каманину. Сообщите ему о моей участи.

Последнее рукопожатие... На следующий день полковника повесил Вацек Козловский. Даже этот бесцеремонный палач поразился спокойствию и мужеству Пивенштейна. По моей просьбе Бронек Петровский подробно спросил палача. Тот рассказал, что «раздецкий льотник» оттолкнул его, сам надел петлю на шею. Весь лагерь два дня обсуждал казнь советского полковника – еврея. Я выполнил свое обещание. В Одессе разыскал мать и сестру Пивенштейна. Рассказал им о нашей встрече за день до его казни».

Юрий Цуркан вскоре был переведен в концлагерь Маутхаузен. 1300 дней страданий закончились для пленника 5 мая 1945 года с приходом союзнических войск. 9 мая он добрался до родной военной части на окраине города Штейнау. Все эти события Юрий Цуркан описал в автобиографической книге «Последний круг ада».

Земляк и соратник выполнил предсмертную просьбу друга. В 1947 году Юрий Цуркан, при получении в Москве ордена Красной Звезды, приехал к генералу Каманину, чтобы рассказать о последних часах жизни летчика.

Свои мемуары Юрий Цуркан издал в 1967 году. А в 1968 году автора вызвали в КГБ, где подробно расспрашивали о Борисе Пивенштейне.

Тогда-то и узнал прошедший плен Ю.Цуркан о заочном смертном приговоре военного трибунала 1952 года, вынесенном Борису Пивенштейну спустя 8 лет после гибели героя.

Трагический парадокс. В 1944 г. Борис Абрамович Пивенштейн по приказу из Берлина был повешен в концлагере, а в 1952 г. его еще и «расстреляли» на родине.

После выхода воспоминаний Ю. Цуркана, советские спецслужбы уже знали, что совершен подлог, что известный летчик был казнен нацистами. Андрей Пивенштейн к тому времени уже умер в Калифорнии. Знали, но решили скрыть. Вдова Б.Пивенштейна, прочитав книгу, отправила заявление в прокуратуру. Но оправдывать опороченного героя, признавать собственные ошибки и клевету, никто не спешил.

Лишь спустя тридцать лет(!), в 1997 году Военная прокуратура дело тайно пересмотрит, и Бориса Пивенштейна реабилитируют. Но и этот факт скроют, а документы спрячут в архиве ФСБ в то время, как поток лживых публикаций о Пивенштейне продолжался.

Уже в начале 2000-х живущая в Польше дочь Юрия Цуркана Ванда решила добиться официальной реабилитации Бориса Пивенштейна. Несколько лет она потратила на работу в военных и партийных архивах Германии, Польши, России, посылала запросы, добывала по крупицам сведения о судьбе летчика, собирала документы. И ее усилия дали результат. Немецкие документы, хранившиеся в комендатуре лагеря Штуттоф, подтверждают, что пленный советский летчик был доставлен в Штуттоф из гестапо Кенигсберга, где и был повешен. Все собранные документы Ванда Цуркан направила в Главную военную прокуратуру. А в декабре 2019 года получила ответ, что Борис Пивенштейн был реабилитирован в 1997 году.

Теперь Ванда Цуркан поставила целью получить доступ к материалам, хранящимся в архиве ФСБ, и написать книгу о судьбе оклеветанного летчика: «Это был кумир моего отца, о котором я знала с детства. Я хочу, чтобы доброе имя несправедливо опороченного героя-одессита Бориса Пивенштейна было восстановлено».

Известный одесский краевед и писатель Михаил Пойзнер уверен:

– Ванда Цуркан, дочь летчика, автора книги, совершила настоящий гражданский подвиг. Издала за свой счет дополненное издание. Народная реабилитация важнее государственной. Вот с таких людей, как Борис Пивенштейн, писал своих героев в книге «Два капитана» Вениамин Каверин. Еще в 50-е годы имя участника полярных экспедиций Бориса Абрамовича Пивенштейна хотели увековечить в Одессе. Но он был оклеветан и забыт. После его реабилитации прошло более двадцати лет, но вокруг его имени по-прежнему заговор молчания. Я хочу верить, что вскоре в Одессе появится улица его имени, а история жизни Бориса Пивенштейна войдет в учебник «Одессаведение».

После Челюскинской эпопеи появились в Одессе улицы Каманина, Челюскинцев, Водопьянова... Но по-прежнему нет улицы Бориса Пивенштейна. Его судьба – срез, маркер страшного XX-го века. И наш долг – восстановить доброе имя этого человека.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ

Что с тобой, моя Одесса...

Боль и горечь. Карантин странным образом вскрыл давно зревшие язвы на теле старой Одессы. Или у нее попросту закончился запас прочности? Старые дома, как люди, требуют заботы, внимания и ухода. А когда этого нет десятилетиями, они начинают покрываться трещинами, крениться и гудеть и однажды рушатся и падают. Очевидно, это время настало.

Хроника событий

9 АПРЕЛЯ

В центре Одессы, на пересечении улицы Канатной и переулка Нахимова, 3 частично обрушился дом постройки 1893 года, являющийся памятником архитектуры. Есть охранный договор. Выяснилось, что арендатор здания вел строительные работы, предположительно с нарушением регламента. В мэрии считают, что к обрушению привело упразднение органов государственного архитектурного контроля.

8 МАЯ

Обрушилась часть жилого дома на Польском спуске, 9. Здание находилось в аварийном состоянии 24 года. Заваленными оказались семь квартир, а их жильцы – без жилья.

18 МАЯ

На улице Торговой, 20 рухнула часть исторического здания – бывший доходный дом Бенетато. Последние полгода жильцы ходили по всем инстанциям, чтобы привлечь внимание к ветхости здания и строительным работам, ведущимся по соседству. А по соседству в сентябре прошлого года строительная компания снесла здание бывшего банно-прачечного комбината №10 (ул. Торговая, 22), намереваясь строить на этом месте шестиэтажное здание. Предварительной причиной обрушения называют «нарушение правил безопасности во время выполнения работ с повышенной опасностью».

21 МАЯ

На улице Среднефонтанской, 29 произошло обрушение фасада и крыши двухэтажного жилого дома. Здание 1920 года постройки признано аварийным. Часть фасада обрушилась в 2016 году. Теперь новое обрушение. Жильцов двух квартир, которые примыкают к развалившейся галерее, отселили.

Кричит о беде город. Взывают о помощи и клянут от беспомощности люди

«Мой солнечный город...»

По поводу падения домов я совсем перестал злиться, или нервничать. Напротив – я радуюсь. Нет, мне конечно дико жаль жильцов, и в одном из домов живет моя близкая подруга, я много раз был в этой квартире. Но взрослая жизнь несет за собой всегда смешанные эмоции. Радостно и грустно одновременно. Я рад тому, что справедливость существует, рад тому, что уже виден результат отношения нас к своему городу, культуре, искусству.

Когда на меня полилась волна «хейта» за критику новостройки Башня», а известная архитекторка его защищала, где-то в глубине души я знал, что возмездие придет. Друзья это только начало. Как вы не понимаете? Вы думаете вас это никак не коснется? Еще как.

Ваши квартиры буду дешеветь, Одеситы, которые раньше могли подзаработать лишнюю копейку с аренды, будут молить, что бы кто-то въехал в дома.

Это ваш выбор и результат вашего тотального бездействия и поощрения рублем убожества и безвкусицы.

Прогнозирую падение до 10 домов в год, причем количество будет увеличиваться в геометрической прогрессии. На их месте построят многоэтажные курятники, которые будут уродовать и дешеветь все вокруг.

Нет, воевать больше не нужно, город давно сдан. Мне остается просто много гулять и прощаться с городом, который построили мои предки.

Иногда лучше признать поражение, чем мужественно надуть щеки и метать пузыри. Иногда лучше прочитать молитву над усопшим, или просто сказать пару хороших слов.

Я любил свой город и был ему предан, мне жалко его потерять, но горожане выбрали другой путь – разрушения и новостроек. Не мой путь, город свернул не туда. У Черного моря...»

Гарри Краевец.

«Такое же чувство – прощание. Я уже прощаюсь не только с городом, но и с кварталом: очень напрягает стройка на месте бывшего Ювелирного завода на Софиевской. Наши дома вслед за ней просто поползут вниз по склонам. Но зато золотыми буквами имена застройщиков вписаны в историю города. Насколько слышала, это должен быть самый высокий дом в городе. Но как на самом деле, неизвестно. Из официальных объявлений – пока только размытая реконструкция бульвара.»

Анна Алиева.

Одеситы не только горюют по утраченным и разрушенным памятникам архитектуры, но взывают о спасении прекраснейших зданий, над которыми нависла угроза уничтожения.

Одно из них – здание бывшей синагоги шойхетов, прекрасный памятник архитектуры на пересечении ул. Л. Шмидта, 8 и М. Арнаутской, 46а.

«У нас совершенно реальная опасность исчезновения с исторической карты Одессы очередного памятника. Историческая достопримечательность, бывшая синагога, у которой есть охранный номер. Это, конечно, если не принимать во внимание детей, занимающихся сегодня в этом Центре. Но кто сегодня интересуется детьми? Начало строительных работ там может разрушить здание, примерно так, как это произошло недавно в переулке Нахимова.»

Олека Ярославцев.

«Это нормально, когда впритык к памятнику архитектуры – бывшей синагоги на углу Л. Шмидта и Малой Арнаутской, где ныне культурный центр «Мигдаль», закрытая двор, окна, пристраивают многоэтажный «домин» с тремя подземными этажами?»

Кира Верховская.

«Наше здание ещё крепкое и не скоро по идее разрушится. Но с помощью строителей мы к этому близки. Но все молчат. Не слышно официальных и неофициальных комментариев по поводу уничтожения нашего здания ни от одной еврейской структуры нашего города. Интересно, это только меня удивляет?»

Полина Блиндер.

«Куда обычно в Одессе посылали жаловаться недовольных? В баню Исаковича. Если вы любите Одессу и ее историю, сходите на улицу Челюскинцев, ныне – Кузнечная. Попрошайтесь. Скоро и это здание завалится. Окна изогнулись под рушащимися кирпичами. Они специально открыты, чтобы пустое здание скорее обветшало. Там гуляют и гадят голуби, хозяйничают ветер и дождь. Дом напротив бани Исаковича, жемчужина одесского модерна – не в лучшем состоянии. Мы плачем и прощаемся, прощаемся...»

Инна Найдис.

«Пора перестать удивляться, когда в Одессе рушится дом или происходит пожар. Это последовательное монотонное действие, очевидное и неизбежное.»

Анастасия Большедворова.

«Очень больно за город. Хочется схватить камеру и снимать все самые любимые,

уютные, аутентичные дворы, хочется фоткать и фоткать, то, что ещё осталось сегодня и то, что вот-вот рухнет.»

Так хочется сохранить в душе и памяти, образ города с его любимым видом и лицом, его старенькой улыбкой и нежным маленькими построечками... Так хочется рассказывать внукам истории и показывать фото еще того города, который ты застал, а они, вероятнее всего, уже нет...»

Как же я люблю Одессу, как же мне жаль, что я имею много отговорок, чтобы что-то сделать.»

Татьяна Кондратьева.

За комментарием сложившейся ситуации я обратилась к исполняющему обязанности начальника управления Государственного архитектурно-строительного контроля Одесского горсовета (ГАСК) Александру Авдееву:

– Практически все строения в историческом ареале нашего города – из ракушечника, добывавшегося в подземных карьерах, камня недолговечного, сохраняющего свою прочность и надежность 100 лет. Этим объясняется большой процент физического износа старых домов. Даже проводимые капремонты фасадов зданий не в состоянии восстановить необходимую несущую способность стен из ракушечника. Вот одна из основных причин аварийного состояния большинства зданий в историческом центре.

Вдобавок, проводимые недобросовестными владельцами помещений многочисленные самовольные реконструкции, со всевозможными надстройками, пристройками, перепланировками, с вмешательством в несущие конструкции, не придают долговечности нашему историческому наследию.

Даже после проведенной реформы 2015 года и возвращения полномочий ГАСК в органы местного самоуправления, полномочия по осуществлению контроля на объектах – памятниках архитектуры остались у территориальных органов Государственной архитектурно-строительной инспекции Украины (ГАСИ).

Реакция ГАСИ на самовольное строительство в историческом ареале не всегда оперативна. Проверки проводились с большим опозданием от начала самовольных строительных работ или вовсе по их окончании. Как следствие – разрушения памятников архитектуры и бесконтрольные захваты, в том числе охранных зон культурного наследия городской громады.

Яркий пример – самовольные строительные работы на объекте-памятнике архитектуры по ул. Канатной, 5, в результате чего 09.04.2020 года произошло обрушение его части, и чудом не пострадали люди.

Наше управление и мэр города неоднократно обращались в центральные органы власти с предложениями и описанием четких действий для получения максимального эффекта от проводимых реформ. Одним из них – предложение по внесению изменений законодательства в сфере градостроитель-

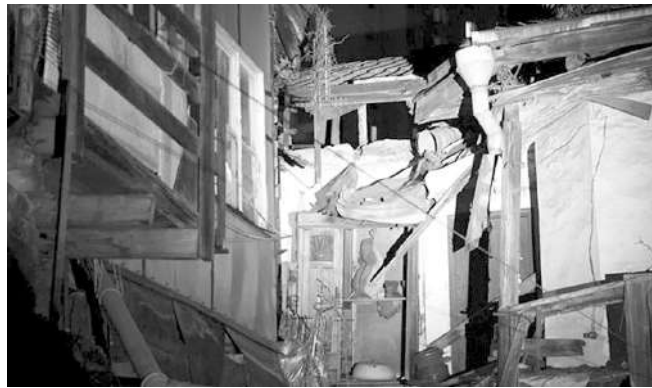
ной деятельности и возвращению контроля и реальных рычагов воздействия на застройщиков и предотвращения правонарушений самовольного строительства на объектах – памятниках архитектуры, – было отправлено мэром Одессы в сентябре прошлого года.

Для возможности строительства объектов в историческом ареале города заказчик, в первую очередь, оформляет документы подтверждающие право пользования или собственности земельным участком, разрешение на выполнение строительных работ. Предварительно проводятся геологические изыскания, на основании которых, в соответствии с генпланом и историко-архитектурным опорным планом города и с учетом технического состояния соседних строений и сооружений, проводится проектирование. А после разработки проекта и его утверждения готовится заключение экспертной организации, подтверждающее соответствие проекта всем действующим нормам и технологиям строительства, в том числе безопасное воздействие процесса строительства на ближайшие здания. В противном случае ответственность ложится на плечи лиц, осуществляющих авторский и технический надзор, из состава проектной организации. К слову, разрешение на реконструкцию или капитальный ремонт памятников архитектуры и строительства зданий этажностью выше 9-10 этажей заказчик получает в ГАСИ Украины то есть в Киеве.

Что из этого следует. Ни одно пагубное для города дело не должно оставаться безнаказанным. И город это должен контролировать, а Киев – инспектировать. Почему в других исторических городах собственник жилья гвоздь не посмеет вбить без разрешения, крышу покрыть черепицей не того цвета, не то, что пристройку, или надстройку в историческом ареале состряпать. Заставят переделать и такими штрафными санкциями обложат, что долго помнит будут. Кстати, запомним: по словам Александра Робертовича, высота проектируемых строений в историческом ареале не должна превышать отметку в 21,3 метра.

Словом, пока не будет законов, не на бумаге, а на деле, пока в стране не будет порядка и неотвратимости наказания, будут продолжаться обрушения и появляться в исторической Одессе уродующие ее новостройки.

Странные существа эти застройщики и те, кто им потворствует, в их неустрашимой страсти обезличить город бездушными высотками. Неужели они думают, что эти «творения» кого-то могут сюда привлечь? Что кто-то придет к нам ради этих однообразных дозвонков «ульев»? Сюда приезжали, чтобы любоваться историческими памятниками старой Одессы. Без чего Одесса уже не Одесса. Глупо же рубить сук, на котором сидишь. Но, очевидно, дальновзоркостью тут не пахнет.

АККЕРМАНСКИЙ МАЛЬЧИК

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗАСЛУЖЕННОГО ЖУРНАЛИСТА УКРАИНЫ МИХАИЛА РЫБАКА

21 июля исполнится 90 лет со дня рождения заслуженного журналиста Украины Михаила Рыбака. Человека нелегкой судьбы, пережившего войну и творческие поиски. И ставшего в итоге известным Фотомастером, Репортером и Хроникером своего времени с большой буквы.

В сентябре 1941 он в школу не пошел. В те жаркие месяцы все перевернулось в его жизни. В начале июля всей семьей спешно покинули уютный Аккерман и прибыли к родственникам в Одессу. Незнакомый город казался огромным и загадочным. Толпы людей, трамваи и грузовики, шум и гам вблизи рынков. Все это резко контрастировало с тихими, укрытыми в тени старых деревьев улочками древнего лиманского городка.

Семейство Рыбаков отправилось в Одессу не на экскурсию. Шла война. Страшная, истребившая миллионы людей. Тогда еще никто не догадывался, чем все обернется. Но что такое фашизм, в Бессарабии отлично знали.

Миша помнил свои первые школьные годы в «скула примаре», начальной школе, где им категорически запрещали общаться на любом языке, кроме румынского. А в школе учились пацаны из польских, украинских, еврейских, русских, греческих, болгарских семей. Край-то всегда был многонациональным. И между собой ребята привычнее было говорить порусски, хотя в семьях зачастую общались на родных языках. За провинность (разговоры не на румынском) мальчишек запирали в темном чулане в шкафу со скелетом, вызывали на строгую беседу родителей. А учитель румынского и вовсе мог прямо на уроке полоснуть парнишку по рукам длинной деревянной линейкой, которую не выпускал из рук. Этот здоровенный детина Ион Батэу не скрывал принадлежности к партии румынских фашистов и, похоже, просто ненавидел большую часть своих учеников. Впрочем, ученики отвечали ему тем же.

Летом 1940 года Миша закончил третий класс и во время каникул видел, как в городок въехали танки с красными звез-

дами на башнях. Многие встречали бойцов цветами, угощали фруктами и вином. Казалось, с румынскими порядками попрощались навсегда. Четвертый класс отучились уже в советской школе. И тут – война. В наших краях румыны оказались главными помощниками немецких фашистов. Они сразу объявили политику очищения нации, и многим стало ясно, что нужно покидать насиженные места. Те, кто промедлил, не выжили.

...В Одессе все дышало войной. Вокруг города шли бои. Враг пытался захватить такой важный в стратегическом плане порт. Оборона Одессы была организована быстро и грамотно. Не зря ведь городу первым присвоили звание героя. Здесь надолго затормозили фашистское наступление. Бенциону Рыбаку было 39 лет. Он еще в августе ушел вместе с другими

перекрывает даже рев штурмовиков. Разорвалось вблизи той самой будки, где недавно стояла мама Люба. Пламя взметнулось до верхушек деревьев. Десятки людей кинулись враспынную. Кое-кто с земли не поднялся. Эта картина долго стояла у Миши перед глазами. А потом было еще много картин не для детского восприятия. Но на войне дети быстро взрослеют...

Дальше был госпиталь. Огромная палата, где разместили тяжелораненых. После разговора матери с военным врачом стало ясно, что Бенциона отправят в тыл. В эшелоне нашли место для жены с сыном. На сборы – сутки. Разговор о том, чтобы прихватить с собой пожилых родителей бойца, отложили. Да и родители ехать отказались: начинались религиозные праздники, не позволявшие лишней суеты. С ними остался младший брат Бенциона здоровяк Яков, который легко ворочал пятипудовые мешки на разгрузке судов в порту. Миша с мамой покидали Одессу в санитарном эшелоне.

Шустрый парнишка вертелся в проходах между вагонными полками. Вокруг одни лежащие. Тот просит водички принести, другой – поменять повязку, третий – свернуть самокрутку и прикурить. Так и шли дни в дороге с остановками на глухих полустанках и незнакомых платформах без названий. Двигались на восток. Миша стал среди бойцов своим, незаменимым помощником. До Средней Азии добирались недели две. Там отцу ампутировали ногу, и они осели в непривычной среде на три долгих года...

За событиями на фронтах следили внимательно. Как только узнали, что Одессу освободили от фашистов, засобирались домой. Вернулись только к концу лета. Искали следы оставшихся родственников и узнали скорбную весть: почти все погибли от рук негодяев. И престарелые родители, и богатый Яша, и самая младшая сестра. Уцелели только младшие сестры отца и мамы, чьи мужья-офицеры успели отправить их за Урал. И в маленьком Аккермане печали хватало. Не было в живых многих друзей и соседей...

В школе Миша встретил кое-кого из довоенных одноклассников. Но было много новеньких. После уроков мальчишки гоняли по улицам, регулярно навещали в старую крепость. Находили там патроны, оружие. После нескольких происшествий, когда пацаны устраивали на берегу лимана костры и бросали туда патроны, крепость оцепили. Ввели строгий режим. Саперы работали не один месяц, проверяя каждый метр внутри и вокруг крепости.

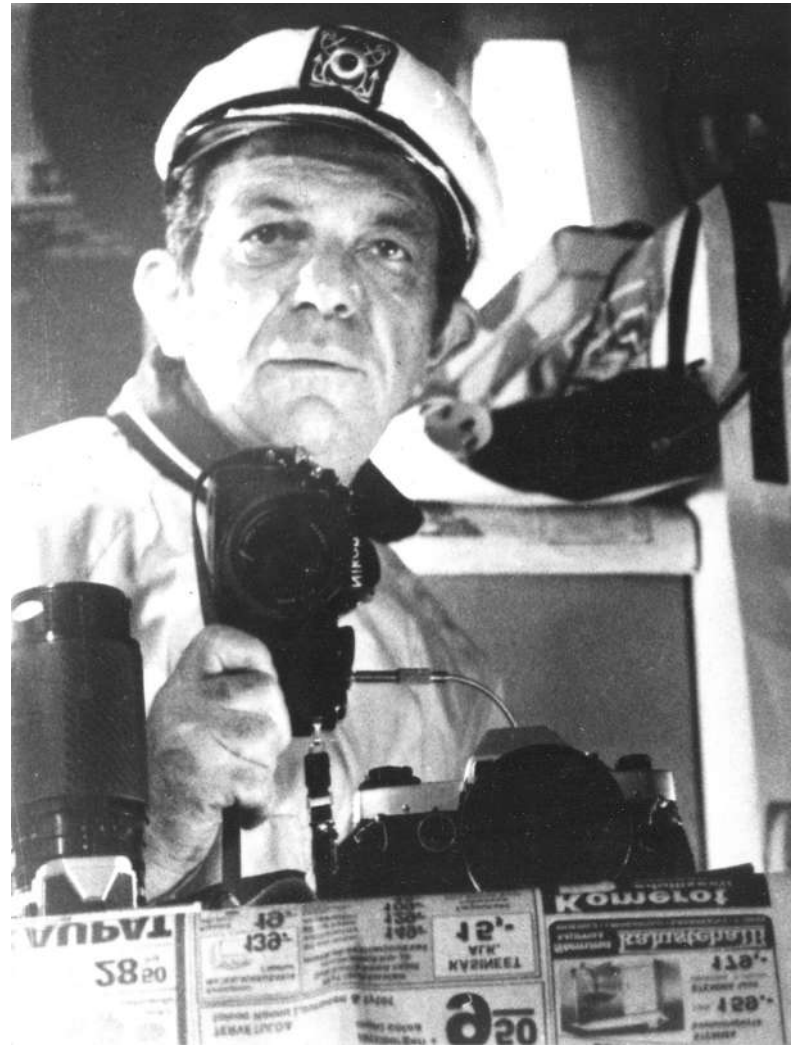
Миша любил учиться. Хоть парнем был живым и непоседливым, учителя его любили. Много читал, помогал товарищам. А когда закончил школу, год работал в младших классах. Тогда не хватало преподавателей, и лучших учеников

пехотинцами оборонять Одессу. Семья осталась в городе. Своего жилья не было. Как жить дальше, никто не понимал.

Город регулярно бомбили. Кольцо вражеских войск сжималось. По суше в Одессу было не попасть. Основные пути доставки грузов и эвакуации имущества предприятий шли морем. Заканчивался второй месяц обороны Одессы. Многие уже выбрались из города. Ощущался острый дефицит продуктов, питьевой воды. К будкам, где продавали керосин для примусов, выстраивались огромные очереди. В один из октябрьских дней Миша метался вдоль такой очереди в поисках мамы. Только что из госпиталя пришла весточка от отца.

Он ранен. Его готовят к операции и отправке в тыл. Миша разыскал так маму Любу. Она уже отстояла часа два и хотела дожидаться дефицитного керосина. Но сын уговорил быстрее бежать к отцу. Не прошли они и полквартала, как начался авианалет. Немецкие самолеты летели низко, заглушая своим гулом все звуки. Но звук разорвавшейся не- подалеку бомбы

привлекали для работы с мальчишками. Михаил вспоминал, как был поражен рационом питания некоторых своих подопечных. В первые дни он не мог понять, почему в классе такой стойкий винный запах. Принюхался: вроде от пацанов пахнет. Спросил: что ты ел на завтрак? Когда услышал ответ, опешил. Мальцам перед школой наливали тарелку... вина и крошили туда хлеб. Бессарабия именно вином и хлебом богата!

В конце 40-х израненная войной страна объявила набор молодежи в военные училища. Нужна была смена тем, кто прошел Великую Отечественную. Миша был готов ринуться на призыв в первых рядах. Сколотил группу одногодок и отправился с ними в далекий Даугавпилс поступать в авиационное училище. Из дюжины аккерманских кандидатов он остался один. Кто-то не прошел строгую медкомиссию, кому-то не хватило специальных знаний на экзаменах. Так Михаил стал курсантом, а позднее – штурманом дальней авиации. Летал на штурмовиках и бомбардиров-

щиках. Успел послужить в Прилуках под Житомиром. Но времена изменились. Страна перестраивалась на мирные рельсы, и громадную армию решили сокращать. Тогда Михаил и попросил разрешения поступить в гражданский вуз и закончить службу. Способного офицера отпускать не хотели. Предлагали учиться заочно и не расставаться с авиацией. Но он уже зажегся учебой. Да и в личной жизни произошли большие перемены.

В летном училище Миша познакомился с одесситом Мироном Щеголевым и как-то ездил с ним в отпуск в Одессу. МIRON познакомил товарища со своей соседкой красавицей Беллой. Завязалась переписка. Со стихами и фотографиями, с обсуждением жизненных планов. Потом были новые встречи. Нашлись общие интересы. И главный из них – создать крепкую семью. Молодая жена готова была делить с мужем тяготы военной службы на далеких от цивилизации аэродромах. Умела даже в тесной комнатке деревенской избы создать уют со скатерками и занавесками.

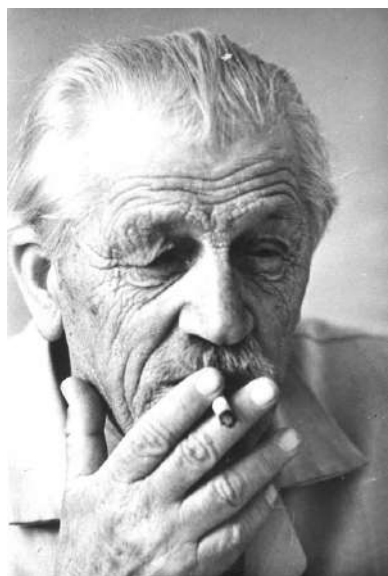

Но желание мужа учиться в Одесском университете, конечно, радовало больше, чем возможная армейская карьера.

В Одессу семья Рыбаков вернулась весной 1954 года, когда до рождения сына оставались считанные месяцы. Демобилизованному офицеру выделили комнату в коммунальном доме напротив медуны. В роддоме этого заведения и появился их единственный наследник.

Те, кто пережил войну, привыкли жить скромно и видеть перспективу. Михаил поступил так на геолого-географический факультет Одесского университета. Поначалу работал в двух-трех школах преподавателем военного дела и стрелковой подготовки. Тогда этому уделяли очень серьезное внимание. Чуть позже стал вести кружки на станции юных натуралистов. Ходил с ребятами в походы по Одессине. Тогда начал делать первые фото, заметки для себя. Кое-что предлагал в газеты. На старших курсах преподавал географию и страстно мечтал о дальних путешествиях, которые, естественно, позволить себе не мог.

Михаилу Рыбаку было уже 30, когда ему предложили первую должность в газете. Он еще преподавал в школе, любил общаться с учениками и часто находил общий язык с теми, кого коллеги называли трудными подростками. Он колебался: бросить ли преподавание или попробовать совмещать. Пробовал. Но времени не хватало. И он сделал выбор в пользу журналистики. На всю оставшуюся жизнь.

Я вырос в атмосфере репортерской жизни. Мне кажется, что мой отец, Михаил Рыбак, был одним из ярких представителей, к сожалению, ушедшего племени истинных репортеров, для которых выполнение поставленной задачи порой бывало важнее масштаба самой задачи.

Его не смущали долгие вояжи по нашим извечно раскуроченным дорогам, погодные катаклизмы и хроническое недосыпание. Весь режим его жизни на десятилетия был подстроен под нужды газеты. Не выполнять задания, не сдать материал в срок, не попасть в нужное место в нужное время, не найти конкретного человека, не суметь

добыть информацию, не побраться туда, куда в принципе не пускают, — для него это было невозможно. Казалось, его сутки больше стандартных. Когда мероприятие затягивалось допоздна и коллеги-журналисты утомленно брели по домам, отец мчался в лабораторию проявить пленки и убедиться, что отснято все необходимое. Ранним утром он снова был в лаборатории, печатал и сушил фото, писал к ним тексточки, сортировал негативы. К приходу коллег все это лежало на столе ответственного секретаря редакции. И тут

же из разных отделов неслись пожелания, куда бы фотокорр стоило отправиться прямо сейчас, после обеда, вечером или в воскресенье утром.

Жизнь бурлила. Строились новые цеха и жилые кварталы, закладывали порт на Григорьевском лимане, приходили из дальних рейсов китобои, рыбопромысловики и океанские лайнеры, открывались выставки, ставились премьерные спектакли, проводились соревнования по разным видам спорта, приезжали в Одессу знаменитые гастролеры... Обо всем писали газеты. Всем хотелось проиллюстрировать свои материалы. Тем более, что фото разных жанров получались у Михаила Рыбака выразительными и запоминающимися. Уже зрелым мастером он решил заочно поучиться на курсах фоторепортажа при МГУ. Это дало ему возможность пообщаться с ведущими фотомастерами Союза, обкатать свои творческие находки в кругу знатоков.

При таком плотном рутинном графике отец находил время для чистого творчества. Стал членом Союза фотохудожников, готовил работы для международных выставок, лауреатом которых становился не раз. Провел он множество персональных выставок. Работы выставлял в залах краеведческого, Художественного музеев, в Музее западного и восточного искусства, в фойе театров и кинотеатров, в холле издательства. Работы его исключительно черно-белые. Но насколько выразительными были композиции, игра света! В его палитре — портреты и пейзажи, жанровые сценки и эмоции спортивных баталий, замечательные зарисовки из разных уголков света.

Да, любовь к географии и путешествиям не утихла с годами. Как только появилась возможность путешествовать,

отец стал использовать любой шанс. Часто это были рабочие поездки в составе делегаций, командировки. Так ему удалось побывать в городах-побратимах Одессы — болгарской Варне и финском Оулу, во французском Марселе и итальянской Генуе. Он путешествовал автобусами и поездами, на лайнерах и самолетах. Побывал в Штатах и на экзотических островах, в Сенегале и Китае, объездил пол-Европы и все Черноморское побережье. Отовсюду привозил сотни метров отснятых пленок, незабываемые впечатления и какой-то юношески свежий взгляд на мир.

Михаил Рыбак был человеком живым и компанейским, быстро мог сдружиться с очень разными людьми, неизменно вызывая у них симпатию и желание продолжить общение. Потому и дома у нас, хоть много лет прожили в коммунальках, часто бывали самые разные гости. Моряки и врачи, художники и артисты, профессора и директора предприятий, функционеры и, естественно, журналисты.

Я с детства бывал с отцом на множестве съемок, любил таскать его тяжеленные сумки с аппаратурой, иногда что-нибудь снимать рядом с ним. Я крутился в редакции молодежной газеты, где отец работал в 60-е — начале 70-х, был знаком со всеми его старшими и младшими коллегами. Именно там Евгений Голубовский, Ян Сафронский и Семен Лившин ненавязчиво втянули меня не только в созерцание их работы, но и в саму журналистику. Я многому у них научился. Но больше всего — у отца, чей пример был у меня перед глазами постоянно. Его работоспособности мог позавидовать любой. Ему до конца жизни оставался интересен сам процесс съемки. Он всегда искал интересный объект и необычные ракурсы. Готов был лезть на дерево (в прямом смысле), чтобы оттуда увидеть ситуацию под другим углом. Любил экспериментировать с оптикой. И был просто счастлив, когда финансы позволяли купить дефицитные тогда японские или немецкие объективы. А когда в Финляндии коллеги подарили ему бэушный экземпляр редкой породы, был умилен, как ребенок.

Когда я повзрослел и сам уже не один год работал в газете, мне порой казалось, что я старше отца. Его восприятие жизни, людей и событий оставалось чуть-чуть наивным. Он продолжал верить в добро

даже там и тогда, когда было ясно, что добром там не пахнет. О своих многочисленных знакомых предпочитал думать только хорошее, даже если часть этих людей не стоили доброго слова. Меня удивляло, как, пройдя такие жесткие испытания жизнью, ему удалось сохранить столько оптимизма и веры в людей. Даже тех, кто его подставлял и предавал...

Мы часто бывали в Аккермане. У папы там оставалось много родственников. В детстве и юности я любил ходить с ним по тихим улочкам и слушать его рассказы о его школьных годах. Со многими местами у него были связаны веселые и грустные истории. Мы ходили на берег Днестровского лимана, в городской парк, в крепость, к памятнику над обрывом, где после войны папа с друзьями высаживал деревья, давно ставшие большими. Когда умерли родители отца и разбегались оставшиеся родственники, приезжать в Аккерман стало не к кому. Только на кладбище. Последний раз мы были там вместе с отцом ровно 25 лет назад, когда он оправился после первого инфаркта и я отвез его на родительские могилы. Теперь мы ездим в Аккерман уже с моими детьми...

В 65 лет Михаил Рыбак затеял большую персональную выставку. Готовил ее тщательно и с любовью. Мы издали каталог, краеведческий музей предоставил свои залы. Июль того года был знойным. Асфальт прямо проседал под ногами. На открытие выставки пришло множество народа. Отец не скрывал радости. Все получилось отлично. Эмоции зашкаливали. И эту радость он принял так близко к сердцу, что через несколько дней слег с инфарктом. Из непривычного для себя состояния неподвижности выходил трудно. Но все же через полго-

да снова стал потихоньку работать и даже сел за руль. Возможно, дела с его здоровьем обстояли бы лучше, если бы он не пропускал через себя все события бурной тогда политической жизни. За власть в городе боролись люди, которых он хорошо знал. Ему казалось, что он может их примирить. Негатива тогда хватало. Это не было еще так привычно, как сейчас. Многие не могли найти себя в

новой системе координат. Словом, нервы подвели. Инсульт, инфаркт, еще один инсульт добились отца окончательно. В последние годы он выходил из дома только с нашей помощью. О работе речь не шла. Впрочем, он даже в таком состоянии писал от руки заметки к своим фотографиям, и серии материалов мы публиковали в газете «Порто-франко». В 1999 году издали книгу Михаила Рыбака «Записки фоторепортера». У него были и другие заготовки. В том числе он говорил мне, что хочет попробовать написать что-то вроде биографической повести под названием «Аккерманский мальчик». В его рукописях такого текста я не нашел. Но в моей памяти и в сердце он навсегда останется тем уникальным во многом парнем, с которым себя ассоциировал...

Аркадий РЫБАК.

Р. С. Нынешней зимой я наконец-то реализовал замысел отца, написал небольшую документальную повесть о нем и моих предках. Назвал просто «Аккерманский мальчик». Книга уже готовится к печати.

«Strange time», которое мы проживаем

Этой весной 2020 жизнь города, да и повсеместно на планете погрузилась в виртуальное пространство. Рестораны инициировали онлайн приготовление кулинарных блюд. Театры освоили онлайн трансляции спектаклей. Музеи предложили онлайн экскурсии. А библиотеки – онлайн выставки и онлайн обсуждения. Всемирный клуб одесситов, едва открывшись, взялся за проведение онлайн презентаций новых книг и альбомов.

Беспрецедентный глобальный кризис жестко ударил по культуре. Это коснулось полюбившихся одесским зрителям фестивалей. Из-за пандемии коронавируса и связанного с ней карантина Одесский международный кинофестиваль впервые этим летом отменен. 11-й ОМКФ перенесли на осень. Он пройдет в онлайн-формате с 25 сентября по 3 октября. Лишь проведение традиционного open-air-киноперформанса на Потемкинской лестнице остается неизменным.

6-й Международный фестиваль классической музыки ODESSA CLASSICS 2020 изменил сроки, но все же должен состояться, с 10 по 23 августа. Как сказал, президент фестиваля пианист Алексей Ботвинов, «главной целью для нас в это тяжелое время было спасти фестиваль этого лета. Мы уверены, что великая музыка должна звучать, и именно сейчас ее ценность высока как никогда». Также перенесен III-й Всеукраинский конкурс молодых пианистов имени Серафимы Могилевской. Он пройдет с 11 по 13 августа.

Оказались в сложном положении и художники, лишенные возможности

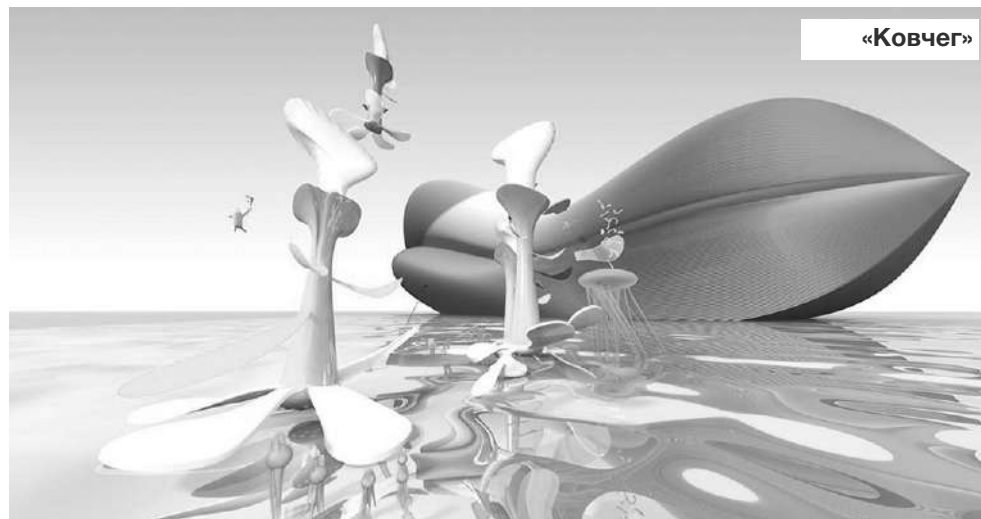
выставляться в галереях и музеях, демонстрируя свое творчество.

Но настоящей творческой натуре кризис не помеха. Говорят, именно в такие смутные времена происходят качественные изменения, рождается особое вдохновение. Как принять ситуацию, обернув ее во благо?

В то время, когда закрылись галереи и выставочные пространства, одесский цифровой художник Степан Рябченко под эгидой творческого объединения «Арт-лаборатория» создал свой уникальный кураторский проект – виртуальное сообщество художников, выставляющих свои работы на обозрение миру в своей виртуальной галерее, – и пригласил участвовать в нем художников. Откликнулись сорок пять мастеров из 15 стран: Германии, Чехии, Франции, Италии, Дании, Скандинавии, США, Чили, Бразилии,

тин, галереи и музеи закрылись, все замерло. А у меня – новые интересные работы. «Как же показывать то, что ты делаешь», спросил я себя. И у меня возникла идея: организовать выставку в виртуальном пространстве, пригласив участвовать моих коллег. Для этого я решил создать цифровую платформу в виде веб-сайта, где каждый художник смог бы показать то, что он делает. Зарегистрировал проект. «Арт-лаборатория», открытая моим отцом художником Василием Рябченко еще в 1996 году для создания и разработки инновационных проектов, пришлось, как нельзя, кстати.

Тема карантина оказалась мне тесной. Для меня вся эта суматоха, связанная с пандемией, – это, скорей, катализатор накопившихся проблем. Я решил расширить про-

«Ковчег»

Японию, и число их постоянно растет. Украину представляют в проекте художники Одессы, Киева, Черкасс, Львова. Так, 7 мая впервые в Украине открылась Международная онлайн-выставка современного искусства, созданная одесситом.

Художник Степан Рябченко:

– Я никогда не планировал быть куратором. Но начался каран-

т, назвав его «Strange time» – «Странное время» – «Дивний час», чтобы в данном контексте художники могли высказываться о времени, в котором мы все живем.

К радости одессита, его авторский проект поддержали художники разных поколений, работающие в разных жанрах. Над проектом Степан работал с родным братом – профессиональ-

ным веб-дизайнером Сергеем Рябченко. Тот написал музыку, которая сопровождает посетителей на протяжении всей виртуальной экскурсии. Сайт создан по принципу музея, с баннерами и афишами. Любую работу можно рассмотреть, приблизить, переве-

рнуть. Если автор работы интересен, то можно «зависнуть» у его работ, перейдя в раздел «участники». Тема ««Strange time» широка. Художники рассуждают о концепции выставки, исследуют «Странное время», которое мы сейчас проживаем, независимо от модели творчества и визуального языка.

Меню проекта помещается в «человеческой голове» – графической работе авторства Василия Рябченко. Как-то экспериментируя в совмещении цифрового искусства с реальной живописью, Степан использовал ее как трафарет и вспомнил о ней, когда думал о логотипе выставки.

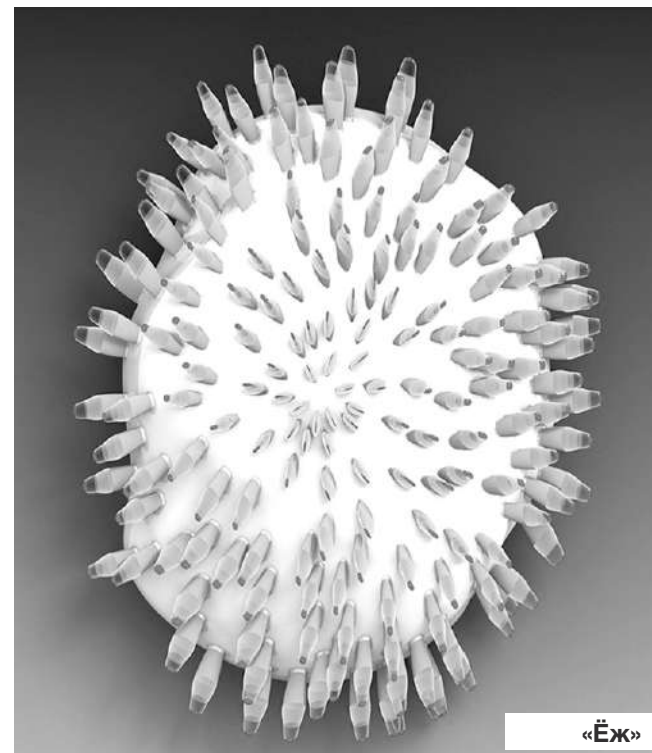
Степан Рябченко:
– Более 10 лет назад я начал визуализировать компьютер-

ные вирусы, придавая им телесную оболочку. И случилось абсолютное попадание в точку. Вот, скажем, коронавирус, который, судя по всему, существует, но информационные потоки создали из него сложную фейковую систему, которая заражает нас уже на ментальном уровне. В моей работе «Еж» 2008 года коронавирус обрел реальные очертания, как его изображают сегодня ученые. Время – это иллюзорная фантазия каждого из нас. Но иногда эта фантазия становится реальностью.

Степан Рябченко:

– Более 10 лет назад я начал визуализировать компьютер-

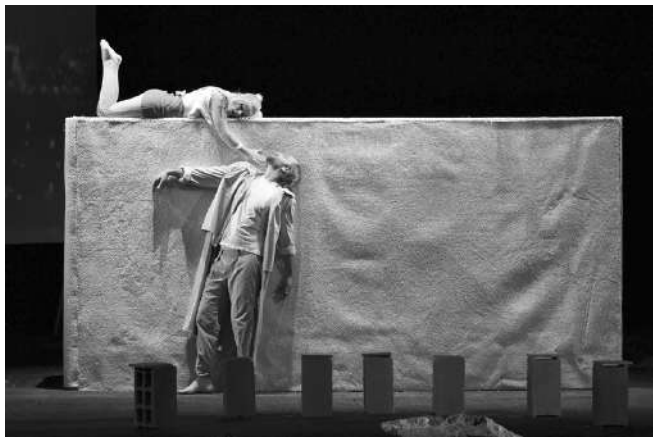
Интересно было увидеть на выставке пророческие работы, авторы которых как будто предвидели ситуацию. Например, работа 2012 года «Календарь» черкасского художника Николая Маценко, автора геральдической живописи. На фоне апокалиптического календаря майя он написал дыхательный аппарат, противогаз. И таких работ – целый ряд.

«Еж»

«ТЕАТР В ФОТООБЪЕКТИВЕ»

Drazenko Jurisic (Zenica, Bosnia and Herzegovina) – специальный приз жюри в Арт-категории

Abbasi Mahsa (Tehran, Iran) – специальный приз жюри в Арт-категории

ДЕМЯНЧУК Сергей (Тель-Авив, Израиль) – I место в Арт-категории

Конкурс для всех, кто любит Театр

Оглядываясь в не столь отдаленное прошлое, понимаю: ничего случайно не происходит. В тот декабрьский день 2017 года звезды сошлись над Всемирным клубом одесситов, где фотографы городского клуба «Фотон-2» собрались на очередную встречу. Мы размышляли о Театре. Результатом этой встречи стало объявление, сродни опубликованному в далеком 1843 году в газете «Одесский вестник» Филиппом Гаазом: «Достигли высокой степени совершенства в сходстве и чистоте отделки портретов посредством дагерротипа, приглашаю любителей сего удивительного изобретения пожаловать ко мне для составления произведения».

При поддержке Одесской музкомедии мы объявили о первом Международном конкурсе-фестивале театральной фотографии среди профессионалов и любителей. Нашей целью не было создание отдельного союза театральных фотографов по примеру ОФО (Одесского Фотографического Общества, учредителями которого были Г.Маразли, граф М.Толстой, М.Шимановский, Е.Князев). Но у нас были сходные задачи: усовершенствование и распространение знаний о театральной фотографии, а также поддержка и развитие фотографов-художников.

Открытие первой Международной фотовыставки состоялось 27 марта 2018 года, во Всемирный День Театра. Конкурс стал ежегодным. В

Antonovic Lidija (Belgrad, Serbia) – приз зрительских симпатий в категории Движение в искусстве

нем приняли участие уже около 400 человек из Украины, Беларуси, Эстонии, Литвы, Израиля, Боснии и Герцеговины, Ирана, Германии, Франции, России, Нигерии, Хорватии, Сербии, Молдовы, Великобритании, Польши, Казахстана. Выставки передвижные, экспонировались в театрах Одессы, Минска, Гомеля, Хмельницкого, Киева, Львова, Харькова, во Всемирном клубе одесситов.

Важная составляющая фотоконкурса – экспертный совет, в составе которого не только профессиональные фотохудожники, но и руководители театров, режиссеры и актеры, представляющие разные поколения, страны и культуры. Понадобилось много сил и времени, чтобы найти замечательных профессионалов. Мы обращались к руководству театров, изучали

портфолио, читали интервью, общались лично. Формирование команды – самая важная часть работы. Нам хотелось, чтобы экспертами стали не просто профессионалы своего дела, а талантливые личности с яркой индивидуальностью. Среди экспертов были представители Франции, Италии, Бельгии, Украины и даже Аргентины. Каждый год часть экспертного совета меняется. В прошлом году мы пригласили режиссера из Буэнос-Айреса Carlos Fabián Villarreal, с которым познакомился на IV Международном фестивале театров кукол и сценической анимации «Анима». В этом году в жюри вошли известные фотохудожники Юрий Мечитов (Грузия), Елена Вильт (Эстония), Елена Мартынюк (Россия-Украина), Сергей Жданович (Беларусь), художник Иза Шлосберг (США), фотографы Анджело Консентино (Италия), Ариэль Сесилио Лемус (Куба), участник и победитель прошлых конкурсов Иван Видакович (Босния и Герцеговина).

Каждый член нашей команды – это жемчужина. Для меня всегда был пример такого Мастера в лице фотохудожника Елены Мартынюк. Это подарок для всех участников, что Елена – в составе Международного экспертного жюри. У меня была возможность несколько лет наблюдать, как она работает не только в студии, но и в театре. Ее творческий потенциал очень высок.

Как оценить по достоинству потенциал автора театральной фотографии? К примеру, Елена Мартынюк считает, что при оценке работ экспертам нужно «обращать внимание на интересно

пойманный момент, на выразительную композицию, на грамотность и гармонию снимка. Может случиться, что смысл и идея готовой работы не всегда поддаются объективной оценке, но иногда фотограф может сделать уникальный снимок, ведь дотошное копирование каждой детали происходящего на сцене – не главное».

По условиям конкурса, участники могли прислать по пять фотографий в пяти категориях: художественная, портретная, движение в искусстве, ретро, открытая категория («я и театр», экспериментальное фото). Также жюри оставляет за собой право отмечать участников специальными призами. На странице проекта в Фейсбуке проходит зрительское голосование, результаты которого учитываются при отборе победителей.

На конкурс «Театр в фотобъективе-2020» было получено 1320 фотографий: в лонг-лист попали 484 фотографии, а в шорт-лист – 205 фото участников.

В итоге победителями конкурса «Театр в фотобъек-

АНИСЬКОВ Сергей (Хмельницкий, Украина) – I место в Арт-категории

молодежи) о нашем конкурсе узнали фотографы из Африки (Нигерия и Малави) и опубликовали материалы в своих изданиях. У них свое театральное движение. К нам присоединился участник из Индии.

Мы часто даже не задумываемся о многообразии мира вокруг нас, заикливаемся только на том, что происходит в ближайшем круге. Но мир разнообразен и, как мы еще

Sesto Ana (Zagreb, Croatia) – III место в категории Движение в искусстве

тыве-2020» были названы 96 участников. Первое место заняли фотографы, которых назвали 7 из 8 экспертов. Вторые места – участники, которых отметили 5-6 экспертов. Тех, кто занял третье место, отметили минимум четыре эксперта.

География участников постоянно расширяется. В этом году благодаря партнерству с Ассоциацией (Международной ассоциацией театров для детей и

раз убедились, очень хрупок, и его нужно беречь. Но чтобы осмыслить это, нужно понимать язык других культур. Искусство, Театр, Фотография – мостики между культурами. А наш конкурс – один из способов познания. И театральная фотография особенно ярко дает представление о национальных и культурных особенностях страны.

Ирина АВЕРИНА.

ЛИТВИНЕНКО Юрий (Одесса, Украина) – I место в Арт-категории

Уходя в полутьму належке

Представлять Юрия Михайлика одесскому читателю нет нужды, хотя он живет уже двадцать семь лет в Австралии. Присутствие этого поэта в литературной жизни Одессы не прерывалось. Его, как и его стихи, знают, помнят, а главное – любят. Публиковались его новые стихи, он следил за творческой жизнью своих питомцев из литстудии «Круг», писал предисловие к их коллективному сборнику «Глаголы нового времени»...

И новую книгу Юрия Михайлика «Уходя в полутьму належке», вышедшую в 2020 в Одессе, составил автор. И название книги – его. Дизайн, фотографии – Анны Голубовской.

Если бы мне довелось давать название этой книге, назвал бы ее – горькая любовь или горькая нежность. Как-то так. Потом вспомнил, что известный поэт Олег Хлебников, писал о Михайлике: «И поэтому даже от горьких стихов Юрия Михайлика остается радостное чувство – открытия большого поэта».

Новая книга, которую автор составил не хронологически, а тематически, вобравшая любимые мной стихи за полвека, убедительно показывает: Одессе повезло, у нее в XX веке вырос настоящий большой поэт.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Юрий МИХАЙЛИК (Одесса – Австралия)

Млечный Путь. И в поисках ночлега
Век из века тащится телега.
Притяжение и отторжение –
Лучший принцип для передвиженья.
По обломкам рухнувших империй,
Через гравий вер и суеверий –
Колеса дробящее круженье –
Отторжение и притяжение.
Это было болью и любовью,
Нашей стариной и нашей новью
На камнях Египта или Рима...
Все теперь без нас. Отдельно. Мимо.
Ибо нам разрешено судьбою
Только то, что можно взять с собою,
И от Вавилона до Гранады
Виноватых нам искать не надо.
Граждане цыганские евреи,
Мы играли в этой лотерее,
Мы галдели в этом балагане,
Граждане еврейские цыгане.
Странники, изгнанники, бродяги...
Ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали
Только те, кто в этих рвах лежали.
По золе Варшавы, сквозь руины,
Через смертный морок Украины, –
Только то, что можно взять с собою.
Что там – кроме нежности и боли?
Что там – кроме памяти и муки –
В узелковых письменах разлуки?
Притяжение и отторжение –
Мировая формула движенья.
Было болью. Остывало болью.
Звездной солью. И подзвездной пылью.
Альтаир, Арктур, Капелла, Вега –
Век из века в поисках ночлега.
Грозный гул. Кибитка кочевая.
...Блеск костра меж звезд опознавая...

ОБЛАЧКО

Облачко колеблется, робея,
среди прибрежных маленьких зыбей.
То ли море неба голубее,
то ли небо моря голубей?

Ничего в любви не понимая,
только вниз по склону торопясь,
вниз по склону, глаз не поднимая,
вниз по склону, за руки держась,

к небу, к морю, к облаку добраться,
до нескромных, но укромных скал,
целоваться – и не отзываться,
кто бы и зачем бы ни искал.

Эпоха уходит как поезд – гремит и дымится.
И в окнах, как рамах, по пояс плывут очевидцы.
Петлицами, лицами рдея шинельного кроя
плывут-уплывают злодеи, страдальцы, герои.
И все ликованья, рыданья за три поколения
отправились в область преданья, забвенья, затменья.
И все заблужденья, исканья, победы, невзгоды -
в беззвучье, во тьму тараканью, в бесследную воду.
Что делать? На скудном подзоле, на скате, на склоне,
качались мы в общем позоре, как в общем вагоне.
в том медленном, грязном, проклятом, в бреду, в суматохе,
в пятисот-развеселом, в двадцатом, в успешней эпохе.
Но в гулком вокзальном ущелье горит вслед за нами
прощанья, презренья, прощенья угрюмое пламя.
Еще б ему стыками хлопать, наверстывать скорость,
и сеять над рельсами копать, и темень, и морось.

Валерий БАЗАРОВ (Одесса – США)

Валерий Базаров всю сознательную жизнь до выезда в США в 1988 году провел в Одессе. Первые 11 лет жил на улице Гоголя 7, в дом с атлантами (теперь этот символ Одессы на удостоверении членов Всемирного клуба одесситов). Учился в школе №43, там же, на улице Гоголя. Получил диплом факультета иностранных языков ОГУ в 1968 году.

Список записей и профессий в трудовой книжке обширный значителен, в том числе: переводчик технической литературы, журналист (внештатный сотрудник «Вечерней Одессы»). В 2015 году В.Базаров издал книгу «Времен связующая нить». В 2019 году вышла его книга стихов «Второе дыхание».

След прошлых лет листвою усыпан густо,
Шуршит лениво времени покров.
Сегодня странным я наполнен чувством –
Я болен прошлым – значит, я здоров.

Листаю листьев ломкие страницы
И мчатся влево стрелки на часах.
Вплывают в память годы, люди, лица,
Безумье юности, веселия размах.

Как хорошо туда вернуться снова!
И нет невзгод, чтоб эту память смыть.
Мы знали, что вначале было слово,
Короткое, как клятва, слово «Мы!»

Любили мы... нам открывались двери...
Друзья, стихи, стихия и бедлам...
Мы верили, во что теперь не верим,
И пили жизнь с шампанским пополам.

Костер, рюкзак, палатка, песни, споры...
И колыбельную нам на ночь пел прибор.
И к черту на рога мы лезли в горы,
Чтоб приподняться над самим собой.

И что с того, что все мы постарели...
Но ведь горит еще (слегка чадя) свеча!
И нам поют все те же менестрели,
Все те же сны нам снятся по ночам.

Переходя из года в год,
Благословляю время.
Тяжел его для многих ход,
Невыносимо бремя.

Александр БИРШТЕЙН (Одесса)

Поэт, драматург, писатель, автор многочисленных сборников рассказов об Одессе.

По дворам уже июнь. Да – июнь.
А по улицам машин бегодня.
Рассыпаются дела, только дунь.
Лепестками улетят от меня.
Просыпается, покашляв, уют
И ворчливо произносит слова.
Он доволен. Хорошо, что дают
От жилетки поискать рукава.
И играют в домино старики.
То ли рыба им нужна, то ли спор.
И похоже на май лепестки
Вместе с ветром мир кружат до сих пор.
Из окна всегда видней и смешней.
И распахнуты улыбки квартир..
И от нежности моей все сильней
Расцветает этот двор, этот мир.

Придумав дело, без труда
печаль отпустим.
О тех я думаю всегда,
Чей ангел в груди.
День у него – нелегкий день,
А праздник – мука:
Не то кафар,
Не то мигрень,
Не то разлука...
У придорожной тишины
искал совета,
но людям брошенной страны
покоя нету.
А стало быть, искать покой
и не придется.
Покой...
Он только за рекой,
что Стикс зовется.
Все виноватые углы
уже овалы...
А доброта – из под полы

Смеюсь, иль катится слеза...
Но каждым утром свежим
Молось, что мог открыть глаза,
Их накануне смежив.

Порога жизни не минуть,
Но в том и совершенство,
Чтоб из отпущенных минут
Черпать нектар блаженства.

«Разрежьте мне, мэтр,
...свистнуть перед скачкой
на прощание...»
Михаил Булгаков

Я никогда не стану взрослым –
Мальчишка, пусть я сед и лыс.
Но, что поделать, если просто
В два пальца обожаю свист.

Что сверстники? Все мимо, мимо...
Все в прошлом...

Дальше – чистый лист.
А я схожу сума с любимой
Под мой, в два пальца дерзкий свист.

Бредут толпою, мелким шагом
Урвать фортуны жалкий приз...
А я решал бы споры шпагой
Под мой неповзрослевший свист.

А тем, кто проскрипит, «Как можно?»,
Отвечу, с детских лет речист, –
«Всю музыку любви возможно
Вместить в мальчишеский мой свист».

Нужна? Едва ли!
Но в наши злые времена
Кто брат твой, Авель?
Твоя вина...
Его вина...
В беде мой ангел!

Переулки ночью пахнут глиной,
угловаты, окнами темны.
Как обряд внезапный и старинный,
редкое явление луны.
По тропинкам света бродят дети,
кутая надежды на лице.
Приключенье лучшее на свете
в тупике, за лестницей, в конце.
В одиночку страшно. Лучше вместе
путь пройти, пожившись в душе.
Там живут непрошенные вести,
никому не нужные уже.
Каждой вести спрос найдется позже,
когда утро вспыхнет тишиной,
а пока, схватив их и итожа,
дети отправляются домой.
Смысла нет, во тьме глядеть под ноги...
Фонари? Они не на посту,
а как будто пуговицы ночи,
к небу прикрепляют темноту.

ЭХО ПРОШЛОГО

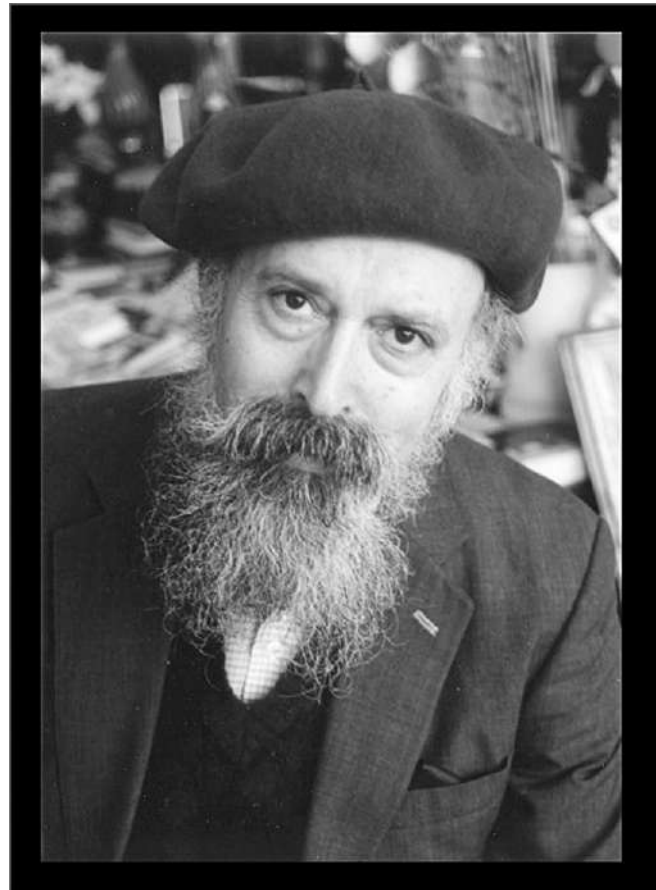
1 мая 2020 года в Чикаго на 82-м году жизни после тяжёлой болезни скончался одесский писатель, драматург, режиссер, актер и культуролог Илья Рудяк.

– Печальная новость. Дружил с Ильей в Одессе, смотрел его спектакли, переписывался с ним, публиковал его рассказы, смешные и грустные. Он был рыцарем книги. К нему на огонек приходили очень разные, талантливые люди – и Бродский, и Евтушенко.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,
журналист.

– Илья Эзрович внес огромный вклад в культурную жизнь русскоязычной общины Америки. Это человек, открывший первый русский книжный магазин в Чикаго, первым показавший здесь русские фильмы, организовавший за долгие годы множество встреч с известными поэтами, писателями, художниками и артистами. Неумолимый боец пропаганды русского языка, еврейской культуры и языка идиш, Илья Рудяк навечно останется в памяти всех, кто его знал и любил. Наша жизнь стала беднее без его новых книг, искромётного юмора, разительного смеха, нескончаемой энергии. Его активность, умение ценить и открывать таланты, его жизнерадостность, целеустремлённость – были для нас примером. Он останется в наших сердцах надёжным товарищем и мудрым советчиком, всегда готовым прийти на помощь в любой ситуации.

Михаил РАХУНОВ,
поэт.

Илья Рудяк: занавес

Мы познакомились в Чикаго осенью 2016 года. Высокие ели на Сандерс-роуд скрывали красивый двухэтажный дом, у входа в который меня ждал пожилой человек в академической ермолке, с длинными, до плеч, белоснежными волосами и такой же длинной седой бородой.

Илья Рудяк. Писатель, режиссер, сценарист, книжник, коллекционер.

Старшему поколению одесситов известно это имя. Но они вряд ли узнали бы в этом старце своего друга, коллегу, учителя.

Илья Рудяк преподавал основы режиссуры и актерского мастерства в Одесском культурпросветучилище. Обучал актерскому мастерству в Студии киноактера при Одесской киностудии. Был ее худруком девять лет, с 1969 по 1978 год. Ставил спектакли, снимал документальные и короткометражные фильмы, отмеченные дипломами и премиями.

Рудяк впервые в Одессе поставил «Конармию» Исаака Бабеля, писал пьесы – об Эдуарде Багрицком, о судьбе автора песни «Амурские волны» композиторе Максе Кюссе, о Соломоне Михоэлсе.

В 1981 году Илья Рудяк эмигрировал с семьей в США. Там открыл книжный магазин, потом создал Дом русской книги, который стал центром досуга для русскоязычного Чикаго, организовал художественную галерею. Но в последние годы вести о нем перестали доходить в Одессу.

Мой приезд Илья Эзрович воспринял как весточку из Одессы, которую нежданно образом к нему занесло. Его огромная гостиная больше напоминала музейный зал. Стены увешаны картинами, а на длинном столе уложены стопками книги, фотографии и рукописи. Наш разговор плавно скользил, не укладываясь в последовательные вопросы-ответы.

– Мне 77,
две кочерги,
а дальше –
не видать ни зги,

– выдает экспромт Илья Эзрович. Автор остроумных стихотворных миниатюр он и в сложной жизненной ситуации каламбурил:

– Я роковой человек, в смысле раковый, однажды уже одержал победу, сейчас сражаюсь со вторым

раком. У меня плохо со зрением, из-за сахарного диабета: читаю с помощью лупы. Начал писать «Похвалу глазам». Это будет эссе, калейдоскоп воспоминаний о том, что мне было дорого, первое, что я увидел и запомнил...

Он родился в еврейском местечке под названием Джуриин под Винницей, провел там детские годы, страшные годы. Они были страшными и задолго до его рождения. В Джуриине в 1918 году петлюровцы убили деда Ильи, забили шомполами. Бабушка осталась с 13 детьми на руках. Мама Ильи была младшей. Сама бабушка погибла позже, от первой бомбы, которую фашисты сбросили на местечко. К началу войны многие жители Джуриина смогли эвакуироваться, осталось примерно 900 человек. Среди них – семья Рудяков. Маленького Илью держали взаперти три года, вплоть до освобождения местечка.

«Мое гетто окончилось, когда мне исполнилось 5 лет». Этот период своей жизни Илья Эзрович описал в книгах «Гете в гетто» и «Прощание с местечком». Иллюстрациями к книгам послужили фотографии, которые он делал в Джуриине, пока оно окончательно не разрушилось, – покосившиеся домики, заброшенное еврейское кладбище. В 15 лет, окончив школу, Илья навсегда покинул эти места и приехал в Одессу.

– Я мечтал жить в Одессе, быть режиссером, ходить по улицам, по которым ходили Бабель, Багрицкий, Олеша. И моя мечта сбылась.

Театрального института в Одессе не было. Режиссерский факультет нашелся в Культпросветучилище, куда он поступил в 1957 году. Его преподавателем был Наум Юрьевич Орлов, параллельно работавший режиссером в Украинском театре. Илья был счастлив. Окончив Институт культуры в Харькове, он окупился в театральную жизнь Одессы.

– Я мечтал завоевать Одессу, и я ее завоевал. Чтобы быть режиссером, мне поставили два условия: сбрить бороду и вступить в партию. Бороду не сбрил, в партию не вступил, но режиссером меня взяли, способный был. Потом захотелось делать что-то в кино. И это удалось. Я выпустил шесть короткометражных фильмов, поставил много спектаклей.

Но проявления антисемитизма, куда денешься, были. То по указке сверху заставили переделать фильм, убрав имя – Аркаша, для чего потребовалась переозвучка всей ленты. То в картине «Земля, до востребования» о дважды Герое Советского Союза Льве Маневиче в кадре, где крупным планом был показан паспорт Героя, заставили замазать графу «национальность».

Уезжать Илья Эзрович никогда не хотел. Но в конце семидесятых в Америку уехали родители жены Ольги. С отъездом родственников в США семья Рудяка «стала неблагонадежной». И после нескольких вызовов в серое здание на Бебеля, Илья Эзрович понял, что надо уезжать. На студии, как только Рудяк подал документы в ОВиР, его поспешили уволить. И три года не выпускали из Союза. Жить было не на что. Бывшие коллеги по киностудии, едва завидев Илью, не здороваясь, переходили на другую сторону. Чтобы прокормиться, он устроился в Госстрах агентом. Зарплату не платили, но и на проценты можно было жить. Лишь в 1981 году семья смогла эмигрировать.

И.Рудяк:

– Но я очень благодарен Одессе, которая дала мне толчок, здесь я прожил лучшие молодые годы, наполненные творчеством. И я отблагодарил ее, посвятив моему городу две книги – «Только в Одессе» и «Мы здесь и там». Они были изданы в США, а переизданы в Московском издательстве «Агриус».

За океаном бывший одесский режиссер взялся за перо. Публикации Ильи Рудяка стали выходить в газете «Новое русское слово». Когда рассказов накопилось изрядно, начал издавать книжки. Всего за годы эмиграции он написал 250 рассказов, издал 18 книг.

Как-то, получив приглашение, выступил в Вашингтоне на конференции «Цензура в литературе, кино и театре», в которой участвовали видные писатели: Владимир Войнович, Мария Розанова, Андрей Синявский. После этой конференции Рудяк стал читать лекции в университетах и колледжах. А еще были литературные программы на радио, детская театральная студия.

Но страстному книжнику Рудяку хотелось создать свой книжный Дом. Начало положила большая

стопка книг. Ее он скупил за пятьсот долларов, полученных в качестве гонорара за лекцию, в книжном отделе одного магазина, объявившего о своем закрытии. Илья Эзрович привез книги домой и обнаружил настоящие шедевры, перевезенные кем-то за океан эмигрантские издания. Его мечта стала воплощаться в жизнь. Рудяк нашел помещение в центре. Денег платить за аренду не было, но он договорился об отсрочке в три месяца. Столько он отвел себе, чтобы вникнуть во все тонкости книготоргового процесса. Ему поверили, согласившись ждать три месяца. За этот срок он разобрался с продажами, из досок, которые подарил сосед, сделал книжные полки, и дело пошло. От покупателей не было отбоя.

А вскоре на базе магазина открылся Дом русской книги, быстро обретший популярность. Такую же популярность обрел и его владелец Илья Рудяк:

– Для меня Дом стал театром жизни. Сюда стекалась вся культурная русскоязычная элита, – актеры, писатели, поэты, художники. Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Евгений Евтушенко, Наум Коржавин, Иннокентий Смоктуновский, Зиновий Гердт, Валентин Гафт, Фазиль Искандер, Виктория Токарева, Игорь Губерман были частыми гостями в Доме русской книги и в моем доме.

В 2001 году, взяв в аренду соседнее помещение, Рудяк открыл художественную галерею, делал выставки.

В 1999 году Илья Эзрович заболел в первый раз. Недуг был серьезным, он справился с ним, вернулся к работе. Но все больше времени стало уходить на здоровье, все меньше – на любимое дело. И гостеприимный Дом книги, центр общения и творческих встреч, стал без него угасать. В 2005 году его пришлось закрыть.

Спустя десять лет грозная болезнь вернулась. Илья Эзрович мужественно боролся с новым недугом, продолжая работать. Издал книгу «Стихи на ракушках», трехтомник стихов. Закончил писать две книги: «Чикаголо» – о встречах в Чикаго и за его пределами и книгу философского свойства «Холокост, Мир, Бог». Успел ли издать?.....

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Кузнечик. Паучок. Жучок.

(ВЕНА-ЧИКАГО-МИЛУОКИ)

Никогда не врите себе в том, что у вас нет денег, времени, настроения для того, чтобы путешествовать!

Если нет всего этого, то можно уехать из Одессы на два дня в Курортное Белгород-Днепровского района, там, где море и Будаковский лиман, разделенные косой, могут подарить незабываемые переживания. Лишь только стоит взглянуть на облака на закате, приобретающие невиданные, изысканнейшие формы – под воздействием свободно и смело раздувающихся ветров и подсвеченные нежнейшим, мгновенно меняющимся розово-фиолетовым. Миг надежды поглощает рясная ночь – только море дышит где-то совсем рядом – и лунная дорожка уверенно серебрится покоем и вечной красотой.

Поэтому, пожалуйста, сделайте все, чтобы уехать и вернуться. А потом, долгими зимними вечерами вспоминать самые славные моменты из путешествий, которые так чудесно наполняют приятным чувством – «...ах, как же хорошо было тогда-то там-то..!»

Моя история может показаться странноватой. Но, как и всякий вояжер, я обожаю фотографировать что-то особенное. Именно поэтому, в венском аэропорту на стекле я запечатлела кузнечика на фоне самолета; в центре Чикаго, на террасе отеля «Трам» – паучка на стекле на фоне небоскребов; а в Художественном музее Милуоки – жучка на фоне арт-объекта «LOVE» с видом на озеро Мичиган, соответственно. Эти три фотографии, как ни удивительно, дали моей фантазии право измыслить следующее: будто бы я смогу представить себе – как именно насекомое смотрит на мир. И будто я, через взгляд насекомого, тоже могу незаметно наблюдать за тем, что происходит вокруг. В этом подходе возможно усмотреть нечто кафкианское, или схожесть с сюжетом одного из фильмов «Люди в черном», где речь тоже шла о насекомых. Но нет. Конечно же, это просто забавный ход, который поможет быть внимательней – наблюдать, анализировать, пытаться познать несколько иную жизнь других мест, других городов, других стран... Что может быть интересней открытий о жизни других людей?! Да пожалуй, только от-

крытия, осуществляемые в самих себе, причем неожиданные. Перелет из Одессы в Вену, затем, через океан – в Чикаго, а уж после – маленький тур в неизведанное – город Милуоки.

Итак, маленькое, двухдневное путешествие в Милуоки, небольшой город на побережье Мичигана, в штате Висконсин, в 130 км от Чикаго, превратилось в цепочку восторженных открытий.

Городок оказался преисполненным достопримечательностей, каких только душа пожелает. И при этом совершенно безлюдным, как и многие места в Америке. Единственным местом скопления местных жителей в солнечный субботний день оказались церемонии венчания в величественных церквях, проходившие в присутствии нарядных гостей, по всем правилам лютеранских или евангелических традиций – когда невесту медленно ведут к алтарю по проходу между сидениями, а вокруг разноцветные витражи и изваяния, будто замерли в умилении...

В остальном – пустынные улицы, дороги, набережные, парки, мосты... Не то, чтобы, можно показаться мизантропом, но отсутствие большого количества людей где-либо, преподносит новое пространство совершенно с иных сторон. Можно прочувствовать его и себя в нем особым образом. Например, незаметно пометать: «А вдруг я бы оказалась живущей здесь всегда? И завтра утром я бы пошла в магазин за свежеспеченной булочкой и улыбнулась бы продавцу. А потом бы посидела за чашечкой кофе с молоком в любимом месте с видом на набережную и думала бы при этом о каких-то совершенно иных вещах, не похожих нисколько на те привычные, о которых думаю всегда..!» (А подобный ход мысли очень напоминает внутренний голос героини Льюиса Кэрролла).

Конечно же, на самом деле, в городе с 600-сот тысячным населением, притом, считающимся самым густонаселенным в этом регионе, люди присутствуют. Но сам город Милуоки так свободен, хорош, спокоен, как сказочная идиллия.

Пожалуй, подробное описание достопримечательностей не имеет смысла. По правде сказать, нет более нудного занятия, чем читать о чих-то впечатлениях, если в них нет какой-то изюминки или «соли». Важен дух того места, в котором ты оказываешься; нечто неожиданное, прикасающееся к нашим чувствам...

В Художественном музее Милуоки (Музей искусств), построенном по проекту великого Сантьяго Калатравы (бюджет 100 млн долларов), – чего только не увидишь: от фаюмских портретов до баночек с супом «Кэмпбелл».

Есть еще великолепный Музей Громанна в Инженерной школе, в котором представлена наиболее полная в мире коллекция произведений искусства, посвященная эволюции труда. Сотни картин, скульптур, мозаика, витражи, воспевающие все профессии, даже обойщика и ростовщика. Может быть, они, американцы, действительно, так трудолюбивы, что смогли создать настолько уравновешенное общество и государство?!

Множество музеев-усадеб – очаровательнейших особнячков, наполненных шедеврами, собранными и подаренными городу их мецената-

ми, – Музей декоративного искусства «Вилла терраса», художественный музей Чарльза Аллиса...

Отдельно можно говорить об архитектуре этого города, в котором современные здания, вплотную примыкающие к строениям на 100 и более лет старше, удивительным образом формируют лаконичную и цельную городскую среду, лишённую привычных для нас противоречий. Ярко-зеленая трава повсюду аккуратно подстрижена, памятники и арт-объекты на каждом шагу, стильные барчики, концептуальные рестораны, мосты и яхты... В лучах заходящего солнца город Милуоки выглядит таким уютным, притягательным, мирным, каким он, по видимому и является на самом деле.

Но, время пришло. Пора собираться домой. Кузнечик, паучок и жучок на фоне достопримечательностей и живописных панорам совершенно случайно оказались в этом месте в этот момент. Они дали запечатлеть себя, чтобы стать частью маленькой истории об увлекательном путешествии.

Не будем грустить по поводу того, что все всегда заканчивается. Нас ведь ждут новые путешествия, открытия, удивления, впечатления. Уже совсем скоро. Главное – никогда не врать себе, что нет возможности.

А самое главное – никогда не врать себе!

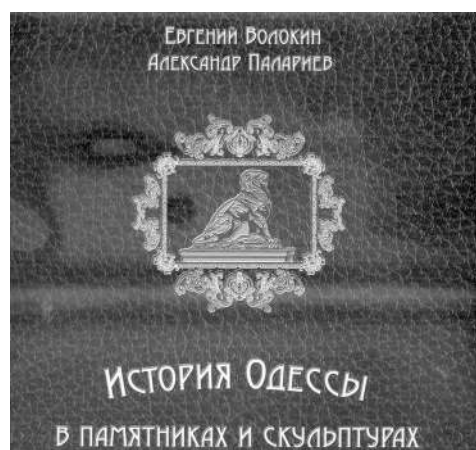
Екатерина ПИМЕНОВА

* *Благодарю от всего сердца своих друзей – Дашу и Мишу Бухало (Vukhalo) / Чикаго/, без доброты которых я никогда не смогла бы сравниться с Христофором Колумбом.*

Отличная идея посетила однажды журналиста Евгения Волокина – создать серию книг об Одессе, где акцент не на тексте, а на уникальных фотографиях.

Все началось с альбома Е. Волокина и О. Губаря «Дерибасовская угол Ришельевской, или история дома №10». Затем последовал альбом Е. Волокина и А. Дроздовского «История парка Шевченко и пляжа «Ланжерон». Третьей книгой стала «Одесса в старых фотографиях» Е. Волокина, А. Дроздовского и Е. Красновой. У меня в руках уже четвертый альбом «История Одессы в памятниках и скульптурах». Первая мысль: что нового могут рассказать Евгений Волокин и Александр Палариев о памятниках, которые у всех на виду... Но не нужно преувеличивать свою осведомленность.

В 1894 году путешественник по Одессе сетовал, что городу сто лет, а в нем всего пять памятников. Ришелье, Воронцов, Пушкин, генерал Федор Радецкий и памятник царю – освободителю крестьян Александру II-му. Первые три сохрани-

лись почти в том же виде, а вот памятник Александру претерпел «идеологические» изменения, став памятником Третьему Интернационалу, для чего одесский скульптор Арнольд Гриншпун в 1920 году снял с колонны в Александровском парке барельеф Александра «пришпандорил» на это место барельеф

Карла Маркса. Заодно и корону сорвав с колонны. Вот что дают сопоставления старых фотографий. А памятник герою русско-турецкой войны генералу Федору Радецкому пропал. Утриска, усупка...

Следующие 20 лет обогатили наш город еще пятью памятниками: двум ученым – Андриевскому и Скаржинскому, «Основателям Одессы», пушкой на Приморском бульваре – в честь победы в русско-турецкой войне и... Петру Первому на Куликовом поле, к 200 летию Полтавской битвы. Последний, созданный одесским скульптором Молинари, в этом альбоме я увидел впервые. Сняли его до революции, почему – загадка.

А после Октября памятники лепили как пельмени. Сколько было памятников Ленину, Сталину, Дзержинскому, Калинин, Молотову...

Самый первый памятник Ленину, оказывается, появился у Одессы-Товарной 22 января 1924 года. Всегда считал, что первым был у входа на Судоремонтный, тогда завод Марти, открытый 1 мая 1924 года. Ошибался. Но

самое смешное, что мавзолей Ленина построили не там... Одесские партийцы приняли решение соорудить мавзолей вождю мирового пролетариата в Одессе. Объявили конкурс. Фотографии предложений опубликованы в этом альбоме, есть с мировым размахом. Но вышла неувязочка: проект «передвижного саркофага» отменили...

Кстати о передвижении памятников. Знаете, что под Одессой создан музей социалистической скульптуры? И туда, в бессарабское село Фрумушинка-Нова свезли сохранившихся вождей и девушек с веслом, пионеров с горном... Так что не только на фото, живую можно вернуться в наше прошлое.

Прекрасную серию альбомов придумал Евгений Волокин. Знаю, что сейчас он с Олегом Губарем работает над пятой книгой серии – «История «Пассажа».

Жалуются, что фотографий за 1944-1985 год мало. Так что, если у кого-либо в альбомах хранятся фото, сделанные в «Пассаже», помогите авторам.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Елена Строганова: «Моя Одесса»

Воплощаясь в разных персонажах, она не меняет костюма, прически, ее не окружают декорации. Только вибрация голоса, пауза, едва уловимые движения, осанка, поза, взмах руки, — и мгновенное преображение.

Ее глубокий волнующий голос не перепутаешь ни с чьим другим. Выйдя на сцену, она с первых минут завладевает вниманием зрителей, захватывает их в плен и не отпускает, пока сама этого не пожелает. Но этот плен сладок и прекрасен, и хочется, чтобы это волшебное погружение в мир грез продолжалось...

Вести диалог со зрителем, один на один, по силам не каждому актеру: полное одиночество на сцене, без поддержки партнеров. Но это ее стихия, ее магия. Елена Строганова. Мастер художественного слова. Блистательная королева моноспектаклей.

В прошлом актриса Одесской филармонии, Елена давно и прочно обосновалась в Нью-Йорке. Но неизменно, каждые пять лет она берет билеты, садится в самолет и совершает вояж через океан в родной город, чтобы встретиться с преданными и по-прежнему любящими ее зрителями.

Приезд актрисы весной этого года совпал с началом всеобщего затворничества на карантин. И, проведя содержательно двухнедельные одесские каникулы и гастроли, Елена Строганова, поменяв билеты, чудом улетела последней ласточкой обратно в Бруклин.

После одного из ее многочисленных выступлений в этот приезд и состоялось наше знакомство и беседа. Когда затихли аплодисменты, разошлись благодарные слушатели, были расставлены по вазам букеты цветов, а на смену концертным туфелькам пришли удобные сапожки, Елена приготовилась к вопросам — об истоках, годах учебы, юности, о творчестве, о прежней и нынешней жизни, о том, что воодушевляет, придает силы.

В тот далекий уже 1961 год Одесское театральное художественно-техническое училище набирало первый после войны актерский экспериментальный курс.

Выпускница девятого класса, чувствующая в себе актерский талант, любившая выступать на школьных конкурсах, решила — буду поступать. Родители не знали о выборе дочери, а, узнав, не одобрили бы его. И, воспользовавшись тем, что мать в то время отдыхала в доме отдыха, девушка подала документы.

Тот первый актерский курс набирал народный артист СССР Василь Василько. Он в то время был главным режиссером Украинского театра и готовил себе молодую смену.

— Конкурс был огромный: поступавших было триста человек, а мест — всего 19. Девочки подбирались одна лучше другой — красавицы, умницы. Для меня было очевидно: рядом с ними мне ничего не светит. Да и комиссия ко мне отнеслась прохладно. Но тут неожиданно Василий Степанович, что-то во мне разглядев, сказал, прослушав меня: «Ось такі дівчата нам в Українському театрі потрібні». Так в числе семи девушек и двенадцати юношей я попала на актерский факультет.

Возраст студентов был разным, от 15-16-тилетних школьников до взрослых молодых людей, демобилизованных из армии. Два года курс вел В.Василько, но потом, в связи с занятостью в театре, он передал его Михаилу Тилькеру, последователю Константина Станиславского.

— Я училась вместе с Николаем Ковалем, Владимиром Тумановым, Натальей Петровой, Аркадием Шалуашивили. А какие у нас были учителя! Тамара Михайлова Козлова, возглавлявшая училище, была скульптором, лепила мои бюсты, они и сейчас где-то там хранятся. Завуч училища взыскательный Александр Менделевич Баренбойм вел русскую литературу. О Баренбойме писал в своей книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург, о том, как встретился с ним на фронте. Во время войны Александр Баренбойм был танкистом, получил тяжелое ранение, потерял глаз. Он был педагогом от бога! Изабелла Григорьевна Леви была нашим классным руководителем. Она вела историю русского театра. Неонила Трофимовна Матвеева преподавала историю зарубежного театра. А с кем нам, будущим артистам, довелось встречаться! Это было время «оттепели». К нам в училище приходили великие Григорий Поженян, Юлия Борисова, Сергей Ильинский, Булат Окуджава, — все, кто приезжал в те годы на гастроли и выступления в Одессу.

Уроки танца вела у нас Иннеса Марковна Гольдина, учившаяся с самой Майей Плисецкой. А я в то время была зажата, с кучей комплексов, и надо было себя раскрепощать. На репетициях и этюдах я упорно, со слезами на глазах, раз за разом выполняла движения, пока не получалось. И вот как-то вечером на уроке мастерства актера руководитель курса вызвал меня и поставил всем в пример: «Вот, смотрите, как будущая актриса преодолевает застенчивость, неумение, стыд». И я, в конце концов, так раскрепостилась, что окончила училище с отличием, получив диплом актрисы драматических театров, мастера художественного слова.

Михаил Тилькер писал на своих чад эпиграммы. Будущая королева моноспектаклей сподобилась такой: «Логична, тактична, без всякого смуру, навтомний борець за красиву фігуру». Действительно, от природы пышечка, Лена в борьбе за стройность всю учебу в училище ходила на уроки сценического движения и фехтование.

Первые успехи и аплодисменты пришлось на студенческие годы. Учебные постановки, а их в училище было немало, пользовались популярностью. Со своим сокурсником Николаем Ковалем Леночка играла господину и госпожу де Сотанвиль в спектакле по пьесе Мольера «Жорж Данден». Запомнилась постановка пьесы А.П.Чехова «Чайка». А на выпускном экзамене ребята поставили спектакль по киносценарию «Чистые пруды» Ю.Нагибина на стихи Б.Ахмадулиной. Он состоялся в старом ТЮЗе в Театральном переулке. Зал был полон: казалось, вся Одесса пришла посмотреть на без пяти минут актеров. Об одесском экспериментальном актерском курсе вышла большая статья в журнале «Театр», в которой искусствовед Александр Свободин дал ему высокую оценку: «Этот курс достоин, чтобы на его основе был создан театр». Не случилось, столичные начальники не позволили.

Через год, когда легендарный Матвей Ошеровский набрал новый курс — артистов оперетты, — Леночка уже работала в училище — ассистентом по культуре сценической речи у Зинаиды Григорьевны Дьяконовой.

Но театральная сцена манила, и со свободным красным дипломом романтическая Лена разослала письма в самые отдаленные точки страны — Норильск, Махачкалу, Петропавловск-Камчат-

ский, Караганду, — хотелось «за туманом и за запахом тайги». «Откликнулась» Караганда. Родители пытались отговорить, но куда там. Так, Елена стала актрисой Карагандинского русского театра имени К.Станиславского.

— Я получила в театре сразу все характерные роли. Четыре года была погружена в театральную жизнь. Меня пытался переманить Иркутский театр. Но тут в Одессе заболел папа. Пришлось вернуться домой. Тут, как назло, гастроли в Бельске. Режиссер Карагандинского театра приезжал за мной в Одессу, слезно просил родителей отпустить на гастроли. Месяц я была «заезжей гастролершей», потом вернулась в Одессу ухаживать за тяжело больным отцом, став «невыездной». Устроиться актрисой в театр в Одессе, даже имея опыт, в то время было крайне трудно.

Я пришла к Матвею Абрамовичу Ошеровскому, и он взял меня в Театр музыкальной комедии, в хор, на три года. Но я не унывала. Это было интересное время. Театр много гастролировал. «Нет ли лишнего билета?» — сопровождало каждый спектакль. Помню, на гастролях в Ленинграде желающих попасть на наши спектакли было так много, что приходилось призывать на помощь конную милицию. Театр дал мне опыт, друзей. Незабвенный Юрий Дынов подарил мне первый отпечатанный экземпляр пьесы об Александре Пушкине «Все 13 месяцев с дарственной надписью. Я храню его в Нью-Йорке.

А дальше был Дом актера. Под началом Зинаиды Дьяконовой Елена Строганова начала готовить сольные программы. Директором Одесской филармонии в то время был Валентин Петрович Семенов. Он заметил талантливую актрису. Предложил ей сначала номер в концертной бригаде, потом — выступления в паре с другими актерами. И только после этого актриса добилась права солировать.

С концертами Елена Строганова объездила всю страну. Получила звание лауреата всеукраинского конкурса чтецов. Сыграла множество моноспектаклей. Есть программы, которые навсегда остались в ее репертуаре: «Любовь — это сердце всего», посвященная Владимиру Маяковскому, «Неравный брак» по рассказам С. Моэма, «Все это следует пить» по стихам Ю. Левитанского, «Блуждающие звезды», «Вальпургиева ночь», спектакли по произведениям Исаака Бабеля, Александра Куприна, Веры Инбер, по роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита», «Анна и Амедео: история любви», «Знакомый вап — Сергей Есенин», «Иллюзии» Ричарда Баха...

В 1997 году, похоронив в Одессе мужа, Елена Строганова с детьми эмигрировала в США. В Нью-Йорке все сложилось не сразу, а, как говорят американцы «step by step». Не дожидаясь приглашений в чужой стране, Елена сама пришла однажды на вечер Пушкинского общества в Манхеттене, выступила, показав, что умеет. Ее стали приглашать. Начались выступления в других русскоязычных сообществах: клубах интересных встреч, любителей книги.

Пока, наконец, не состоялась встреча с Феликсом Яблоновским, с которым они стали работать вместе в любительском камерном театре Нью-Йорка «Артистическая гостиница». Кроме моноспектаклей, создавали литературно-музыкальные композиции. Елена Строганова стала заметной фигурой в эмигрантской культурной среде. Постоянными зрителями

театра были: Бел Кауфман, внучка Шолома Алейхема, Елена Владимировна Маяковская, она же — Патриция Томпсон, дочь В.В. Маяковского.

В чужой стране хотелось попытаться счастья и на ином поприще, построить в новый мир. Елена окончила в Америке колледж по специальности «бизнес-менеджмент». Но оказалось, что административная работа ей чужда. То ли дело — любимая сцена. После ухода из жизни Ф.Яблоновского, теперь это Камерный театр Елены Строгановой, удостоенной награды «Emerald Duke».

— Мои программы — это творчество для души. Русская поэзия, Серебряный век, современная поэзия — это все мое. Я стараюсь не разочаровать мою публику, завоевать ее с первых минут.

Дохода в Америке это не приносит. А чтобы жить, оплачивать счета, нужно работать. И я занимаюсь рутинным делом, далеким от творчества. Но у меня есть оплачиваемый отпуск и больничные, праздники, профсоюз, пенсионный план. Зарплата маленькая. Но не может же быть все хорошо. Зато это позволяет мне заниматься делом моей жизни.

Когда я уезжала, я говорила: «На мой век моей публики хватит». И не ошиблась. Потому что та публика, которая ходила на все мои программы здесь — в Дом актера, Филармонию, Дом ученых, — уехав на Запад, продолжала посещать мои концерты и там.

Но Елена Строганова всегда, знала, что будет приезжать в Одессу и старается не изменять традиции. Это ее пятый приезд.

— Как-то в один из приездов я выступала перед курсантами Одесского Морского училища. Педагоги мне говорили: какой Тургенев, какие стихи — они не будут слушать. Вы бы видели глаза этих подростков! Как они слушали! А в Автомеханическом техникуме я читала Маяковского. Учителя встали с указками, как с нагайками, но обеим сторонам классных парт. На всякий случай. Постояли минут пять, присели и уже слушали наравне с учениками. Настоящее творчество всегда найдет дорогу к сердцу.

У меня нет ощущения, что я оставила Одессу, уехала. Человек куда от себя уехать не может. В Нью-Йорке я не чувствую себя, как в гостях. Но где бы я ни была, я всегда представляюсь «Я из Одессы».

Беседу вела
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

«Проза парижской жизни»

ЕЛЕНА ЯКУБСФЕЛЬД

Jetlag

Прилетев из Штатов, я первым делом выпиваю маленькую чашечку кофе, по-нашему, по-парижски: у барной стойки, задумчиво глядя сквозь окна кафе, как спешат по тротуару парижане. Кофе нужно пить быстро, но сделать это так, как будто ты его пьешь медленно, даже больше: как будто времени вообще не существует, как будто ты не в Париже, а на необитаемом острове, где нет ни времени, ни спешки, ни срочных дел. Ничего нет.

Потом в Париже наступает ночь, и я не могу спать, потому что в Техасе в это время вечер, или еще не.

Я откидываю одеяло и бреду на кухню. достаю заветную баночку, которую привезла из Америки, когда оттуда эмигрировала: кофе с ароматом тыквы и специй. Французы не поймут: кофе и тыква? *Quelle horreur!* А американцы сразу включатся: это, наверное, осенний выпуск, да? Да, осенний. Какой торжествующей и разрушительной одновременно была та осень. Я достаю стеклянную колбу и пистон из нержавеющей стали и завариваю этот жуткий с точки зрения французов кофе способом, который американцы называют «французский пресс».

Мои страны, мои родные, мой кофе.

Америка и Франция смотрят друг на друга с предубеждением, насмешкой, восхищением и презрением, не прекращая мечтать друг о друге. Как любовники, у которых не сложилось. В отношении этих двух стран друг к другу гораздо больше *egalite*, чем в положении людей внутри них. Ну и *fraternite* при случае или по нужде. А о *liberte* и говорить не стоит – ее никто не хочет. Настоящая свобода, полная свобода страшна, скучна и одинока.

Люди стремятся к комфорту и почему-то называют это свободой. Хотя что уж тут странно-го... Они стремятся к любви, пониманию и признанию, а называют это все совсем другими, странными терминами – карьера, успех, слава, которые, как правило, мало общего имеют с первыми тремя. Любовь, понимание и признание очень стеснительны и не уверены в себе, они не любят толпу.

Медленно, со скрипом приоткрывается кухонная дверь, и на пороге полный укора, как воспитательница в детском саду, появляется муж. Он неодобрительно косится на мою большую кружку, в которой дымится черный как ночь, неприлично ароматный кофе, колеблется, затем отламывает кусок багета, прислоняется к стене и начинает задумчиво жевать. Так и сидим, стоим. Мы понимаем друг друга без слов.

Ах, как в Одессе подавали кофе! В Пассаже подавали «Бристоль» в крохотных чашечках, с заиндевевшими стопочками ледяной воды и шоколадками. На Екатерининской – с деревянным резным ящичком, в котором блистали похожие на самоцветы крупные кристаллы сахара: розовые, золотистые и цвета белых ночей.

На Преображенской юный бармен, краснея и запинаясь, объяснял мне, что их кофе, который «хозяин» привозит бог весть откуда, познал все перипетии, выпавшие на его долю во время путешествия по пищеварительному тракту обезьян из джунглей Амазонки, поэтому у окончательного продукта такой вкус. Мягкий. А кофе на Греческой, который выносили вместе с ларчиком, где, краснея и стесняясь, лежал счет...

Американцы сейчас похожи на молодую женщину, которая страшно, до дурноты боялась рожать и вот теперь благополучно родила. Здорово же их, как говорят в Одессе, колбасило, когда они выбирали себе своего Трампа. Сколько криков, сколько ужаса, вспомнить страшно. Зато сейчас, когда это все уже позади, они ведут себя так, как будто ничего особенного во все и не произошло. *Business as usual*, как они сами говорят. И гордые своим новообретенным опытом, они с живым любопытством интересуются у французов, как обстоят их президентские выборы.

Даже моя бабушка, американка со стажем, но человек совершенно далекий от политики, как и от всего того, что ее непосредственно не касается, тоже очень интересуется. Позвонив, она, как обычно, начинает с предварительной артподготовки: «Ты получила мое письмо? Тебе понравилось? А какая часть у тебя самая любимая? Как тебе мой слог? А концовка?» После чего переходит к делу.

– Ну, как там ваши кандидаты?

Что-то в ее тоне мне смутно и страшно знакомо, но я не могу вспомнить что.

– Та какие бабушка кандидаты! Не из кого выбирать.

– А может, еще кто-нибудь хороший появится?

– Да вряд ли уже! Маемо те, що маемо.

– Столько кандидатов и ни один не подходит?

– Нет, бабушка, – вздыхаю я.

Она тоже вздыхает разочарованно, и я вдруг вспоминаю и этот тон, и этот разговор: давным-давно, в пору моей юности она вот так же, с пристрастием, выпрашивала меня насчет моих поклонников, которых, кстати, тоже нельзя сказать что было много, – ажиотажа в городе не наблюдалось, и в очередь они не становились, если уж на то пошло.

Я пью свой кофе с тыквой и тихонько разговариваю сама с собой, как это делают сумасшедшие, самодостаточные или просто немного одинокие люди. С собой я говорю не по-русски, вернее, не совсем. Я говорю так, как говорят в Одессе: смачно и неправильно, и живу я тоже так – не по правилам. Я шокаю и тыкаю, в беспочвенной надежде – а самая сильная надежда расцветает только там, где для нее нет никаких условий, – что однажды мне опять пахнёт морем, арбузами и нагретой солнцем брусчаткой.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВКО

Конечно, с детьми я стараюсь говорить правильно. Поэтому: «Послушай, это делать нельзя ни в коем случае», хотя то же самое можно сказать проще и ясней одним «Слышишь?» или «Нет, ты глянь!». Главное – с правильной интонацией. Интонация, когда говоришь смачно, – все.

С мужем я говорю по-французски, кроме тех очень редких случаев, когда нужно кратко и по делу, тогда я перехожу на английский. Если он отвечает кратко и по-немецки, знаю, что переборщила.

Мои страны, мои родные, мои языки, мой кофе.

Я стараюсь говорить правильно на всех своих языках с теми, кто вокруг меня. Но с собой я говорю неправильно, потому что так я себя лучше понимаю.

Я знаю, что правильно говорить «я скучаю по тебе», а не «за тобой», но мой папа говорит «за». Потому что так говорил его папа, чья речь состояла из идиша, польского, украинского, русского и всего, что между ними. И вслух я говорю «по», а в уме держу «за», потому что я ни по кому так не скучаю, как за папой.

И я знаю, что правильно говорить «идиот», а не «идиёт», как говорит моя бабушка, но согласитесь: «идиёт» гораздо сильнее «идиота». «Идиот» – это мнение, «идиёт» – это уже приговор. А папин «кусочек натурального идиота» – это просто шедевр, который, кстати, звучит особенно мощно в следующем контексте: «Ты видела когда-нибудь кусочек натурального мяса? Так вот, это то же самое, только это идиот, а не мясо! Просто кусочек натурального идиота!»

Ну, вот теперь я смеюсь – и теперь точно спать не буду. Да и не надо. Уже светает.

КЛУБНЫЕ НОВОСТИ

Поздравляем!

Лауреатом премии имени Максимилиана Кириенко-Волошина 2020 года стала поэт, сотрудник Одесского литературного музея, участница литературного объединения «Зеленая лампа» Анна Стреминская. Высокую оценку жюри получила книга одеситки «Марфа и Мария».

Меня называли Марией, а я оказалась Марфой! Подрезаны мои крылья, и спрятана моя арфа. Ведь после базара не нужно ни музыки, ни полёта, ни слова Учителя. Ужин важнее всего да работа. Обильное угощение радушно встречает гостя. Надеемся на прощенье, да жиром заплыли кости.

Но все же сквозь чад кухонный доносятся звуки арфы. Сквозь быта чугунные тонны... О, Марфа, трудяга Марфа! И всё ж доносится Слово сквозь грохот горшков и тарелок, сквозь крики ослов – так ново, и так непривычно смело! И всё сжигает пожар твой, о, Слово, ведь ты – стихия! Меня называли Марфой, а я оказалась Мария.

Основатель газеты **Евгений ГОЛУБОВСКИЙ**

Редактор
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ
Верстка
Полина КУЧИЕРСКАЯ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Регистрационное
свидетельство № 508.
Тираж 1000 экз.
Заказ №.
Газета отпечатана
в типографии «Черноморье».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,

www.odessitclub.org